

Альманах № 32

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты. Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

Редактор, бывший жрец храма Амона-Ра в Древнем Египте при Тутанхамоне, бывший первосвященник Дании и Швеции, бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях, бывший священник католического костёла в Польше, и т.д., и т.п.

Журнал "Ибис" № 32/2001

Содержание:

$N_{\overline{2}}$	<u>райл</u>
1-я страница обложки	01
2-я страница обложки	02
Эпиграф к журналу	03
Сначала прочтите это	04
Портрет	05
Основные вопросы Бытия через ясновидение —	
А. Метельский (продолжение) Теософский словарь	06 07
"Оккультный мир" (выдержки из книги) — $A.C$ иннет (1881)	08
КОРОТКО: новый детектор лжи	09
К пониманию психологии НЕ-ЛЮДЕЙ: В.Шаламов,	
"Очерки преступного мира" (продолжение)	10
Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	11
"Козёл на саксе": новая книга выдающегося музыканта А.Козлова	12
1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	13
"Альтист Данилов" (глава 29)	14
Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь	
к привидениям"	15
Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени	
и ближайшем будущем? (продолжение)	16
Стихотворение — И. Бродский	17
Философема	18
Цитата номера	
3-я страница обложки	
4-я страница обложки	21

"Самого себя как целого можно достичь только если полностью понимаешь, что обычный мир — это просто точка зрения, независимо от того, принадлежит ли она обычному человеку или магу.

* * *

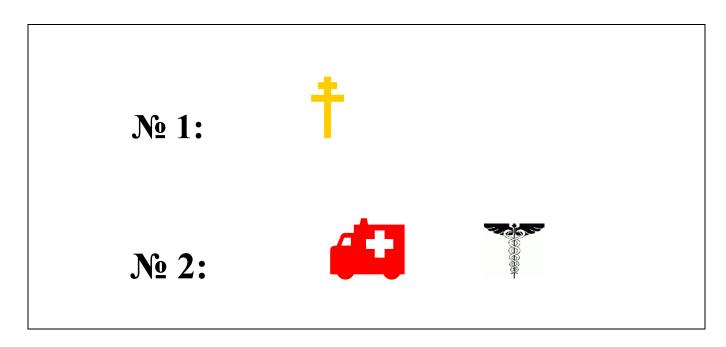
После целой жизни борьбы я знаю, что понастоящему важным является не просто научиться новому описанию мира, но прибыть к нему целым: следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя, и превыше всего — не покалечив своего тела."

Дон Хуан (К. Кастанеда, "Сказки о силе")

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея рубрике придано "Медицина", изображение строения атома рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не ещё, и т.п. хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

Портрет главного редактора...

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение (продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Затем, на оранжевом слое (160 тыс.) стоит пустой кувшин для подарков от духовных покровителей. Там ничто положительное не неучтенным. За проявленные терпение, заботливость, хорошо сделанное дело, благородство — в общем, за всё, что несёт свет в мир, является выражением воли Отца Небесного, — за всё МЫ получаем большие радости маленькие или здесь, Земле, если в дело, конечно, не вмешиваются нарушают, СИЛЫ зла И не как справедливости. Это может быть покупка красивой, давно желанной какой-то вещи, и подарок от кого-то (и то, и другое в моем случае и чрезвычайно место несколько раз имело

жизнь), облегчило мне И неожиданное предложение работы, о которой ВЫ только мечтать, и т.д. Такие вещи никогда не происходят случайно. И наоборот, шальные сатанинские <u>лотерейные дары ни с того, ни с</u> сего, как правило, проваливаются в пустоту, не принося никакой глубинной радости душе. Если мы кому-нибудь перебегаем дорогу, лишаем заслуженного дара — то разрушаем этот свой кувшин — лишаем себя возможности получать награды.

На ЧЕТВЕРТОМ СИНЕМ слое (170 тыс.) стоит чаша для синей жидкости. Заполняется она в момент чтения канонических молитв. Как только начинаем читать — льётся поток. Заканчиваем — прекращается. Этот синий план обеспечивает чёткость ориентации в жизни, выбор верного пути, работу логики.

Величина чаши прямо зависит от отношения к молитвам: если читаем радостно, с пониманием их важности и нужности, вдохновенно — чаша растет. Если как обузу, по обязанности — не изменяется; вовсе не читаем — уменьшается. Сильно разрушается эта чаша из-за насмешек и надругательств над чужой верой.

(170-180 следующем уровне проходит главный религиозный канал. Здесь стоят священные книги — если человек Библия, Коран, Ветхий Завет. читает: приходилось слышать выступление кстати, руководителя одного московского центра

числа именующих себя духовными — этакого русофила; фамилии его сейчас не помню, но выступал он у всё того же руководителя так Духовного движения называемого Г.Ф.Козлитина («аксёновское движение», потому что формальным его руководителем является бывший космонавт В.В.Аксёнов) — движения, о котором журнал «Ибис» уже писал. Так вот этот руководитель центра яро обрушивался Ветхий Завет — потому что, по его словам, он писался «вредными людьми» древними иудеями, а они, дескать, протаскивали там... — и так далее; не хочу повторять его греховную чушь. Смысл же его выступления и вообще постановки его сатанинскими силами положение руководителя «духовного» Центра в том, чтобы вносить разлад в единение людей посредством атеизма и антисемитизма: очень распространённая нынче тактика Сатаны. И я считаю, что пока российские антисемиты не осознают, под чью дудку они пляшут подобно марионеткам, Россия не освободится от многих своих проблем.

Так что если человек вышеназванные книги читает, то соответствующий энергопоток через них не идёт. Чтение же этих книг дает новый импульс к жизни, дополнительные силы, прочности. C повышает запас каждым чтением мы как бы на ступеньку приближаемся к Богу, видим жизнь с более высоких, более мудрых позиций. Поражается же этот план из-за при ведении храмовой коллегам зависти К

службы, что нередко встречается у мусульман, потому что в этой конфессии чтение Корана в храме (мечети) является почетным.

ПОСЛЕДНЕМ СИНЕМ слое (190 тыс.) находится знак религиозного потока: или крест, или полумесяц со звездой, или шестиконечная звезда. Они изображены в начале этого файла. Это очищающий и защищающий поток. Здесь особенно опасна вражда к другим религиям выступления против Духа Святого («хула Духа», выражаясь языком Библии). Люди на Земле могут исказить и извратить религиозное учение, отойти от него, — но обличать религию, пророков, руководящих ЭТИМ потоком верующим людям непростительно. И тонким видел, как (на тонком, конечно, Я плане), после ТОГО как один православный подобного священник совершил нарушение, с него спал его православный крест. И пусть не заблуждаются те, кто сеет вражду между религиями и нациями: они этим самым служат Сатане.

Впрочем, надо отметить и то, что терпимость в этом вопросе со стороны Высших довольно высока — возможно, потому, что отрицатель того или иного этноса, враг той или иной нации, потом сам будет воплощён в этот этнос, в эту будет отрабатывать И там будет глупость. Α пока болтаться ОН воплощениях — те, кто был умнее него, обгонят его на пути эволюции.

На ЗЕЛЕНОМ слое (200 тыс.) видится светящийся шарик, цвет которого зависит от основного слоя ауры. Это наша прямая связь с духовными покровителями, выход в чистые миры — как окошко, через которое взглянуть вниз, на все остальные планы души. его чистота отражается психическом здоровье. Если шарик в порядке наши головы остаются ясными, а если нет реальности, утрачивает ощущение чёткость мышления. Закрывается это окно за прямую агрессивность, направленную против личности — драки, ругань, ссоры, оскорбления. Это серьёзный грех, и нужно не менее серьезное покаяние (метанойя), чтобы восстановить этот план. Решать житейские проблемы надо мирно, уважая право другого на собственное мнение.

ВЕРХНЕМ ЖЁЛТОМ слое (210 тыс.) находится золотое дерево, которое, как с дыханием. Тут голубое, связано имеет сама форма дерева. Оно также обеспечивает и умственную работоспособность, сознание необходимым потоком золота мудрости. Оно портится, если человек перестаёт жить своим умом, не хочет самостоятельно думать и сам решать свои проблемы («фюрер думает за нас» или «вручаю свои проблемы Господу Богу», и т.п.). Но Господь помогает только тем, кто сам не сидит сложа

«Имущему дастся, а от неимущего отнимется и то, что имеет» (см. у Матфея).

Затем идут еще два плана, связанные с верой. На ФИОЛЕТОВОМ слое находится замОк образ, который есть и в ряду деятельности души. Только здесь он определяет, доходят ли молитвы души, достаточно ли она чиста, чтобы безопасно ЛИ ee (информационно-энергетически C взаимодействовать)? Если в душе слишком много грязи, то она, войдя вместе с молитвой в чистые миры, станет каналом атаки на святых и Поэтому, пророков. если загрязнение превышает 50%, то душу слушают. Если больше, то надо сначала очиститься. Тут возможны два варианта. Очиститься ВРЕМЕННО поклонами, на коленях, осеняя себя крестным знамением, касаясь лбом (символ смирения в кулаки руками (символ ума) и сжатыми беспомощности перед волей Бога; так держат руки грудные младенцы) коврика или пола. С каждым поклонам с души спадает часть грязи, и после 108 поклонов она очищается настолько, что с ней уже можно вступать в общение. ВЫСШИЙ же СПОСОБ очищения — это покаяние («метанойя», изменение миропонимания), пост и причастие.

Главное — удержаться от греха («Иди и больше не греши», как говорил Иисус душам исцелённых Им людей). Некоторые люди, особенно наделенные сильной черной магией,

полагают, что отмолить можно всё что угодно, достаточно лишь поусердней помолиться. Так, например, один мой знакомый решил срочно свою черную магию. Трижды «ОТМОЛИТЬ» съездил в монастырь, дома молился с утра до через два месяца утверждением, что теперь он абсолютно чист. Я посмотрел и увидел, что черной магии у него не убавилось ни на полпроцента — потому, что он старался ее ликвидировать ее же методом напором. Но своим натиском И **МИНЖОТРИН** волевым штурмом людишкам от Бога ничего не добиться. Наоборот: надо отказаться от самого желания что-то требовать, чего-то добиваться. От греха можно освободиться лишь перестав грешить, а не путем его замазывания сверху чем ни было положительным: возможно, читатель уже сам давно понял, что это разные статьи учёта в бухгалтерии, как разные карманы одного и того же пиджака.

Этот замОк можно закрыть и чтением некоторой атеистической И даже «оккультной» литературы. He например, права Агни Йога, так как в основном не объясняет, а требует: то есть имеет место насилие («делай //думай, понимай// так, и всё!»), и соответственно летят сотни черномагических структур. Разные учебники по магии направляют на читателя десятки таких черных структур. И открыть этот замок бывает тогда уже не так потребуются покаяние (метанойя) специальные просьбы об очищении — даже

если душа достаточно чиста. А за богохульство, и в том числе по отношению к пророкам других религий, этот канал закрывается надолго.

Ha ГОЛУБОМ (230 тыс.) слое располагается как ответ на молитвы Божественный душ: ситечко, из которого голубой поток. О молитве идет промывке голубым я уже говорил. А перестает работать этот источник радости — даже если молитвы и принимаются — когда человек просит только за чувствует не ответственности окружающих и не молится за них.

Однако и тут надо учитывать, что, как правильно пишет С.Н.Лазарев, «каждый человек ведётся Богом», и поэтому происходящее с ним, скорее всего, справедливо и им заслужено. Поэтому просьбы или молитвы за других надо всегда заключать словами: «Но да будет воля Твоя, а не моя, Господи (или имя/титулование святого или пророка)».

На СЕРЕБРЯНОМ слое (230-240 тыс.) душе приходит яблоко. Оно, конечно, не простое, и в нем заложена та или иная идея: научная, художественная и т.д. («ньютоново яблоко»). Если душа делится этим знанием с другими, то яблоко растёт. И каждое такое новое яблоко мудрости щедрой, отдающей души — больше, чем предыдущее. Если же душа не несёт их в мир, а начинает копить или выгодно продавать — яблоки перестают поступать. То же

самое: «Имущему дастся, а у неимущего отнимется». К сожалению, немало людей не понимают, что «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20:35).

На БЕЛОМ слое находится колокольчик с ликом Богородицы. Он дает очень высокую защиту и возможность общаться с невидимым миром. Но если человек начинает прислушиваться к лукавым или непроверенным им инопланетянам, то колокольчик разрушается.

На ХРУСТАЛЬНОМ слое (260 (образ) находится икона как ЛИК ΤΟΓΟ пророков, под покровительством которого находится душа на данном этапе своей жизни. видеть образы Иисуса Христа, можно Богородицы, пророков Моисея и Магомеда — в от того, в каком религиозном зависимости потоке находится душа. Подробнее об этом я скажу чуть ниже. И если человек ищет защиту не в Боге (разные обереги и т.п.) — то этот образ может разрушиться.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

Перевод с английского А.П. Хейдока^{*}

Перевод осуществлен по изданиям:

- 1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
- 2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

-

[∗] Продолжение. Начало в № 5.

СМАРТАВА (Санскр.) Смарта брамины; секта, основанная Шанкарачарьей.

СМРИТИ (Санскр.) Предания, передаваемые устно, - от слова Смрити, "Память", дочь Дакши. Теперь это узаконенные и обрядовые писания индусов; противоположные "Ведам" и поэтому менее священные, чем последние, являющиеся Шрути, или "откровением".

СОД (Евр.) "Арканум", или религиозная мистерия. Мистерии Ваала, Адониса и Вакха, причем все солнечные боги в качестве символа имели змия, или, как в случае Мифры, "солнечного змия". Древние евреи также имели свой Сод, не исключая и символов, так как у них был "медный змий", воздвигнутый в Пустыне; этот особый змий был персидским Мифрой, символом Моисея как Посвященного, но, конечно, никогда не предназначался для представления исторического Христа. "Тайна (Сод) Господа принадлежит тем, кто боятся его", говорит Давид в "Псалтыре", XXV, 14. Но в еврейском оригинале мы читаем: "Сод Ihoh (или Мистерии) Иеговы для тех, кто боятся его". Ветхий Завет переведен столь ужасно неправильно, что стих 7 в "Псалтыре", IXXXIX, который в оригинале гласит - "Ал (Эл) ужасен в великом Соде Кедешимов" (галли, жрецы еврейских внутренних мистерий), в искаженном переводе читается: "Бога нужно страшно бояться в собрании святых". Симеон и Леви устраивали свой Сод, и это неоднократно упоминается в Библии. "О, душа моя", восклицает умирающий Иаков, "не входи в их тайну (в ориг. - Сод), в их собрание", т.е. в Sodality Симеона и Леви ("Бытие", XIIX, 6). (См. Данлэп, "Sod, the Mysteries of Adoni".)

СОДАЛЫ (Лат.) Члены школы жрецов. (См. Freund, "Latin Lexicon", IV, 448.) Цицерон также говорит ("De Senectute", 13), что "Sodalities были учреждены в Мистериях Иды Могущественной Матери". Тех, которые были посвящены в Сод, называли "товарищами".

СОДАЛЬСКАЯ КЛЯТВА Наиболее священная из клятв. Нарушение Содальской клятвы для обета каралось смертной казнью. Клятва и Сод (тайное знание) более ранние, чем Каббала или Предание, и в древнейших "Мидрашимах" исчерпывающе говорится о Мистериях или Сод, прежде чем они перешли в "Зохар". Теперь они упоминаются как Тайные Мистерии Торы, или Закона, нарушение которого имеет фатальные последствия.

COXAM (Санскр.) Мистический слог, представляющий инволюцию; букв., "То Я есмь".

СОКАРИС (Егип.) Бог огня; солнечное божество с многими формами. Он есть Птах-Сокарис, когда этот символ - чисто космический, и "Птах-Сокарис-Озирис", когда он фаллический. Божество это - гермафродит; священный бык Апис, будучи его сыном, зачат в нем солнечным лучом. Согласно "History of the East" Смита, Птах является "вторым Демиургом, эманацией из первого творящего Принципа" (первого Логоса). Прямой Птах, с крестом и жезлом, является "творцом яиц солнца и луны". Пьерре считает, что он представляет собой извечную Силу, предшествовавшую богам и "сотворившую звезды, и яйца солнца и луны". Мариетт Бей видит в нем "Божественную Мудрость, разбрасывающую звезды в необъятности", и его мнение подтверждает "Targum of Jerusalem", в котором утверждается, что "египтяне называли Мудрость Первого Разума - Птах".

СОХИД (Егип.) Божество, которому была посвящена кошка.

ПЕЧАТЬ СОЛОМОНА Символический двойной треугольник, принятый Т.О. и многими теософами. Почему это следует называть "Печатью Соломона" - остается тайной, если только она не пришла в Европу из Ирана, где существует множество рассказов об этом мифическом персонаже и магической печати, употреблявшейся им для поимки джинов и заключения их в старые бутылки. Но та же печать или двойной треугольник в Индии называется "Печатью Вишну", и ее можно видеть на домах в каждой деревне в качестве талисмана против несчастья. Треугольник был священным и использовался в качестве религиозного знака на дальнем Востоке за века до того, как Пифагор провозгласил его первой из геометрических фигур, также как и наиболее таинственной. Он встречается на пирамиде и обелиске, и полон оккультного значения, как, впрочем, и все треугольники. Так, пентаграмма есть тройной треугольник; шестиконечный - гексальфа. (См. "Пентакль" и "Пентаграмма".) То, куда треугольник обращен, обуславливает его значение. Если вверх, тогда он означает мужской элемент и божественный огонь; если вниз, то женский и воды материи; вверх, но с чертой поперек вершины - воздух и астральный свет; вниз с чертой - землю или грубую материю, и т.д., и т.д. Когда греко-христианский священнослужитель, благословляя, держит два пальца и большой палец вместе, он просто воспроизводит магический знак - силою треугольника или "троицы".

СОМА (Санскр.) Луна, а также сок одноименного растения, используемый в храмах для целей транса; священный напиток. Сома, луна, есть символ Тайной Мудрости. В "Упанишадах" слово это употреблено для обозначения грубой материи (по ассоциации с влагой), которая способна производить жизнь под воздействием тепла. (См. "Сома-напиток".)

СОМА-НАПИТОК Приготовляется из редкого горного растения посвященными браминами. Этот индусский священный напиток соответствует греческой амброзии или нектару, испиваемой богами Олимпа. Мисты в Элевзинских посвящениях также осущали чашу кикеона. Пьющий его легко достигает Брадхны, или места сияния (Небес). Известный европейцам напиток сома не есть настоящая сома, но ее заменитель, ибо только посвященные жрецы могут пробовать настоящую Сому; и даже цари и раджи при жертвоприношениях получают заменитель. Хауг подтверждает это признанием в своей "Айтарейя Брахмане", что то, что он пробовал и нашел отвратительным, не была Сома, но сок из корней Ньяградха, растения или кустарника, растущего на холмах Пуны. Мы имеем достоверную информацию, что большинство жрецов Деккана, совершающих жертвоприношения, утеряли секрет настоящей Сомы. Его нельзя найти ни в ритуальных книгах, ни в устных преданиях. Истинных последователей первоначальной ведийской религии осталось очень мало; они - предполагаемые потомки Риши, истинных Агнихотри, посвященных великих Мистерий. Напиток Сома отмечен даже в индусском Пантеоне, где он называется Царь-Сома. Тот, кто пьет его, приобщается к царю небесному, он наполняется его сущностью, подобно тому, как христианские апостолы и их обращенные наполнялись Святым Духом, и очищались от своих грехов. Сома делает из посвященного нового человека; он перерождается и преображается, и его духовная природа берет верх над физической; она наделяет божественной силой вдохновения, и развивает до предела способность ясновидения. По экзотерическим объяснениям, сома есть растение, но в то же время ангел. Она накрепко соединяет внутренний, высший "дух" человека - этот дух есть ангел, подобно мистической Соме - с его "неразумной душой", или астральным телом; и, объединенные силою магического напитка, они вместе возносятся над физической природой и приобщаются во время жизни к блаженству и невыразимой славе Небес.

Таким образом, индусская сома мистически и во всех других отношениях есть то же, что для христиан причастие. Идея подобна. Посредством жертвенных молитв - мантр - это жидкость считается мгновенно претворенной в настоящую Сому, или ангела, и даже в самого Браму. Некоторые миссионеры с большим возмущением высказывались об этой церемонии, тем более, видя, что брамины обычно употребляют в качестве заменителя разновидность спиртного напитка. Но разве христиане менее горячо верят в претворение вина, во время причастия, в кровь Христову только потому, что вино попадается более или менее алкогольное? Разве идея этого символа не та же самая? Но миссионеры говорят, что час испития сомы есть золотой час Сатаны, притаившегося на дне жертвенной чаши индусов. ("Разоблаченная Изида".)

СОМА-ЛОКА (Санскр.) Нечто вроде лунной обители, где пребывает бог Сома, правитель луны. Обитель Лунных Питри - или Питрилока.

СОМНАМБУЛИЗМ Букв., "хождение во сне", или передвижение, деятельность, писание, чтение или совершение любого действия бодрствования в состоянии сна, с полным забвением происходившего при пробуждении. Это один из великих психо-физиологических феноменов, наименее понятый, хотя и самый обескураживающий, и к которому лишь Оккультизм имеет ключ.

ЦОНГ-К'А-ПА (Тибет.) Пишется также Tsong-kha-pa. Знаменитый тибетский реформатор четырнадцатого века, который ввел в своей стране очищенный Буддизм. Он был великим Адептом, который, будучи не в состоянии дольше выносить осквернение буддийской философии лжежрецами, превратившими ее в выгодное предприятие, решительно положил этому конец своевременным переворотом и высылкой 40 000 лжемонахов и лам из страны. Его считают Аватаром Будды, и он является основателем секты Гэ-лук-па ("желтых шапок"), и мистического Братства, связанного с ее водителями. По преданию, "дерево 10 000 образов" (хум-бум) возникло из длинных волос этого подвижника, который, оставив его, навсегда исчез из поля зрения профанов.

СУНИАМ Магическая церемония с целью перенести болезнь с одного лица на другое. Черная магия, колдовство.

СОФИЯ (Греч.) Мудрость. Женский Логос гностиков; Вселенский Разум; и женский Святой Дух у прочих.

СОФИЯ АХАМОТ (Греч.) Дочь Софии. Персонифицированный Астральный Свет или низший план Эфира.

СОРТЕС САНКТОРУМ (Лат.) "Святое бросание жребия с целью предсказания", практиковавшееся ранним и средневековым христианским духовенством. Св. Августин, который "не порицал этот способ узнавания будущего, лишь бы он не использовался для мирских целей, сам пользовался им" ("Жизнь Св. Григория Турского"). Если, все же, "этим пользуются миряне, еретики или язычники" любого рода, то sortes sanctorum становится - если благочестивым и набожным отцам - sortes diabolorum или sortilegium - колдовством.

СОСИОШ (Зенд.) Маздеанский Спаситель, появления которого, подобно Вишну, Будде Майтрейе и другим, ожидается на белом коне в конце цикла для спасения человечества. (См. "Шамбала".)

ДУША ______ или нэфеш "Библии"; жизненный принцип или дыхание жизни, который каждое животное, вплоть до инфузории, имеет подобно человеку. В переведенной "Библии" она без различения фигурирует и как жизнь, и как кровь, и как душа. "Не будем убивать его нэфеш", сказано в оригинальном тексте; "не будем убивать его", переводят христиане ("Бытие", XXXVII, 21) и так далее.

СОУАН (Пали.) Первый из "четырех путей", ведущих к Нирване, в практике Йоги.

СОУАНИ (Пали.) Вступивший на этот "путь".

СПАРША (Санскр.) Чувство осязания.

СПЕНТА АРМАЙТА (Зенд.) Женский гений земли; "прекрасная дочь Ахура Мазды". У маздеян Спента Армайта есть персонифицированная Земля.

ДУХ Отсутствие какого-либо общего согласия среди писателей о применении этого слова привело к страшной путанице. Обычно его превращают в синоним души, и составители словарей узаконивают такое употребление. В теософических учениях термин "Дух" применяется лишь к тому, что непосредственно принадлежит Вселенскому Сознанию, и что является его однородной и незапятнанной эманацией. Таким образом, высший Разум в Человеке или его Эго (Манас) есть дух, когда он нерасторжимо связан с Буддхи; тогда как термин "Душа", человеческая или даже животная (низший Манас, действующий в животных как инстинкт), применяется только к Кама-Манасу, и определяется как живая душа. На еврейском языке это нэфеш, "дыхание жизни". Дух не имеет формы и нематериален, и представляет собою, когда индивидуализирован, наивысшую духовную субстанцию - Суддасатву, божественную сущность, из которой сформированы тела высших проявляющихся Дхиани. Поэтому теософы отказываются называть "Духами" тех призраков, которые появляются в феноменальных манифестациях спиритуалистов, и называют их "оболочками", и различными другими именами. (См. "Сукшма Шарира".) Короче говоря, дух не является существом в смысле обладания формой; ибо, как считает буддийская философия, где есть форма, там есть и причина для боли и

страдания. Но каждый индивидуальный дух - индивидуальность эта сохраняется лишь на протяжении манвантарного жизненного цикла - можно описать как центр сознания, само-ощущающий и само-сознательный центр; состояние, а не обусловленный индивидуум. Вот почему в Санскрите существует такое обилие слов для выражения различных Состояний Бытия, Существ и Созданий; каждое наименование выявляет философское отличие, тот план, к которому принадлежит данная единица, и степень ее духовности или материальности. К несчастью, эти термины почти непереводимы на наши западные языки.

СПИРИТУАЛИЗМ В философии - состояние или положение ума, противоположное материализму или материалистической концепции сущего. Теософия, доктрина, учащая, что существующее оживлено или наполнено Всемирной Душой или Духом, и что ни один атом в нашей вселенной не может пребывать вне этого вездесущего Принципа - есть чистый Спиритуализм. Что касается верования, которое фигурирует под этим названием, а именно, верования в постоянное общение живых с мертвыми, либо посредством собственных медиумистических способностей, либо через так называемого медиума - это ни что иное, как материализация духа и деградация человеческой и божественной душ. Верующие в подобные сношения просто бесчестят умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось "Некромантией". Но наши современные спиритуалисты обижаются, когда им говорят эту простую истину.

ПРИВИДЕНИЕ Призрак, домовой. Употребляется в отношении различных видений в комнатах сеансов спиритуалистов.

ШРАДДХА (Санскр.) Букв., вера, уважение, почтение.

ШРАДДХА (Санскр.) Верность памяти манов умерших родственников и забота об их благополучии. Посмертный обряд в честь только что ушедших родственников. Существуют также месячные обряды Шраддха.

ШРАДДХАДЭВА (Санскр.) Эпитет Ямы, бога смерти и царя преисподней, или Гадеса.

ШРАМАНА (Санскр.) Буддийские жрецы, аскеты и кандидаты на Нирвану, "те, которые должны обуздать свои мысли". Слово Саман, теперь "Шаман", является искаженным вариантом этого первоначального слова.

СРАСТАРА (Санскр.) Ложе, состоящее из циновки или тигровой шкуры, усыпанное дарбха, нуша и другими травами, употребляемое аскетами - гуру и челами - и расстилаемое на полу.

СРАВАХ (Мазд.) Ам?е?пенты, в их высшем аспекте.

ШРАВАКА (Санскр.) Букв., "тот, кто заставляет слушать"; проповедник. Но в Буддизме это слово означает ученик или чела.

ШРИ ШАНКАРАЧАРЬЯ (Санскр.) Великий религиозный реформатор Индии, учитель философии Веданты - величайший из всех подобных учителей, которого адвайтисты (не-дуалисты) считают инкарнацией Шивы и чудотворцем. Он основал много матхамов (монастырей) и положил начало самой ученой секте среди браминов, под названием Смартава. Легенды о нем столь же многочисленны, как и его философские труды. В возрасте тридцати двух лет он направился в Кашмир, и достигнув Кедаранатх в Гималаях, вошел в одиночестве в пещеру, откуда никогда уже не возвращался. Его последователи заявляют, что он не умер, но лишь ушел из мира.

ШРИНГА ГИРИ (Санскр.) Большой и процветающий монастырь в горах Западные Гхаты в Майсоре (Южная Индия); главный матхам Адвайта и Смарта браминов, основанный Шанкарачарьей. Здесь пребывает религиозный глава (называемый Шанкарачарьей) всех ведантийских адвайтистов, которому многие приписывают обладание сверхъестественными силами.

ШРИ ПАДА (Санскр.) Отпечаток стопы Будды. Букв., "след или стопа Учителя или возвышенного Владыки".

ШРИВАТСА (Санскр.) Мистический знак, который носил Кришна, и который был также принят джайнами.

ШРИЯНТРА (Санскр.) Двойной треугольник или печать Вишну, называемый также "печатью Соломона", и принятый Т.О.

СРОТАПАТТИ (Санскр.) Букв., "вступивший в поток", т.е. поток и тропу, ведущую к Нирване, или образно - к Нирваническому Океану. То же, что Соуани.

ШРОТРИЯ (Санскр.) Наименование брамина, который исполняет ведийские обряды, которые он изучает, - в отличие ведавита, брамина, который изучает их только теоретически.

ШРУТИ (Санскр.) Священное предание, полученное путем откровения; таковыми являются "Веды", в отличие от "Смрити" (см.).

СЕН ЖЕРМЕН, Граф. Современные писатели отзываются о нем, как о загадочной личности. Фридрих II, король Пруссии, любил говорить, что он был человеком, которого никто никогда не мог разгадать. Его "биографий" множество, и одна фантастичнее другой. Некоторые считали его воплощенным богом, другие - мудрым эльзасским евреем. Но одно несомненно, граф де Сен Жермен - каково бы ни было его настоящее имя - имел право на это имя и титул, так как он купил имение San Germano в итальянском Тироле, и заплатил папе за этот титул. Он был необычайно красив, и его огромная эрудиция и лингвистические способности неотрицаемы, ибо он говорил на английском, итальянском, французском, испанском, португальском, немецком, русском, шведском, датском и многих других славянских и восточных языках с такой же легкостью, как и любой уроженец этих стран. Он был очень богат, никогда не брал ни су у другого фактически никогда не взял даже стакана воды или куска хлеба у кого-либо - но делал самые экстравагантные подарки превосходных драгоценностей всем своим друзьям и даже королевским семьям Европы. Он обладал превосходными музыкальными способностями; играл на всех инструментах, но самым любимым была скрипка. "Сен Жермен соперничал с самим Паганини", сказал о нем восьмидесятилетний бельгиец в 1835 г., после прослушивания "Генуэзского маэстро". "Это воскресший Сен Жермен, играющий на скрипке в теле итальянского скелета", воскликнул один литовский барон, которому пришлось слышать обоих.

Он никогда не претендовал на обладание духовными силами, все же доказал, что имеет право на подобную претензию. Он проводил в мертвом трансе, без пробуждения, от тридцати семи до сорока девяти часов, и после этого знал все, что ему необходимо было знать, и доказывал это пророчествами о будущем, никогда не ошибаясь. Именно он пророчествовал королям Людовику XV и XVI, и несчастной Марии Антуанетт. В начале этого столетия (XIX) были еще живы многие свидетели его прекрасной памяти; он мог утром прочитать статью, и хотя пробегал ее лишь беглым взглядом, мог повторить ее содержание, не пропустив ни одного слова, много дней спустя; мог писать обеими руками одновременно, правой стихотворение, левой - дипломатический документ величайшей важности. Он читал запечатанные письма, не прикасаясь к ним, пока те еще находились в руках тех, кто принес их ему. Он был величайшим адептом в превращении металлов, делал золото и самые прекрасные алмазы, - искусство, которое, как он говорил, он узнал от некоторых браминов в Индии, которые научили его искусственной

кристаллизации ("оживлению") чистого углерода. Как пишет наш Брат Кеннетт Маккензи: В 1780 г., когда он гостил у французского посла в Гааге, он молотком вдребезги разбил великолепный алмаз своего же производства, дубликат которого, также своего производства, он только что продал ювелиру за 5500 луидоров". Он был другом и доверенным лицом графа Орлова в 1772 г. в Вене, которому он помог и которого спас в 1762 г. в Сакт-Петербурге, когда тот был замешан в знаменитых политических заговорах того времени; также он был в близких отношениях с прусским Фридрихом Великим. Само собой разумеется, он имел многочисленных врагов, потому нечего удивляться, что все сплетни, распространенные о нем, теперь приписываются ему же: напр., что ему было свыше пятисот лет, или, что он претендовал на личное знакомство "со Спасителем и его двенадцатью апостолами, и порицал Петра за его плохой нрав" последнее по времени несколько противоречит первому, если уж он действительно заявлял, что ему лишь пятьсот лет. Если он говорил, что "родился в Халдее, и признавал, что обладает тайнами египетских магов и мудрецов", то он вполне мог говорить правду, не выдвигая никаких сверхъестественных претензий. Имеются Посвященные, и даже не самые высокие, которые в состоянии вспомнить не одну из своих прежних жизней. Но у нас есть веские причины для уверенности, что Сен Жермен никогда не мог заявлять о своем "личном знакомстве" со Спасителем. Как бы то ни было, граф Сен Жермен безусловно был величайшим Восточным Адептом, какого Европа видела за последние столетия. Но Европа не узнала его. Некоторые, быть может, узнают его при следующей "Terreur", которая, когда разразится, потрясет всю Европу, а не только одну страну.

СТХАЛА МАЙА (Санскр.) Грубое, конкретное и - поскольку дифференцированное, то - иллюзия.

СТХАНА (Санскр.) Также Айана; место или обитель бога.

СТХАВАРА (Санскр.) От stha - стоять или оставаться неподвижным. Термин для обозначения всех сознательных, чувствующих объектов, лишенных способности передвижения - закрепленных и укорененных подобно деревьям или растениям; тогда как все чувствующее, которое к определенной степени сознания добавляет движение, называется Джангама, от гам, двигаться, ходить.

СТХАВИРАХ или Стхавхраникая (Санскр.) Одна из самых ранних философских созерцательных школ, основанная за 300 лет до Р.Х. В 247 г. до Р.Х. она раскололась на три части: Махавихара Васинах (школа больших монастырей), Джетаваниях и Абхаягири Васинах. Это одно из четырех ответвлений Школы Вайбхачика, основанной

Катьяяной, одним из великих учеников Владыки Готамы Будды, автором "Абхидхарма Джнана Прастхана Шастра", появление которого ожидается уже в качестве Будды. (См. "Абхаягири" и т.д.) Все эти школы высоко мистичны. Букв., Ставираникая переводится как "Школа Главы" или "Президента" (Когана).

СТХИРАТМАН (Санскр.) Вечное, верховное, применяется к Всемирной Душе.

СТХИТИ (Санскр.) Свойство сохранения; стабильность.

СТХУЛА (Санскр.) Дифференцированная и обусловленная материя.

СТХУЛА ШАРИРА (Санскр.) В метафизике - грубое физическое тело.

СТХУЛОПАДХИ (Санскр.) "Принцип", отвечающий низшей триаде в человеке, т.е. телу, астральной форме и жизни, в Тарака Раджа Йоге системе, которая перечисляет только три главных принципа в человеке. Стхулопадхи соответствует джаграта или бодрствованию, сознательному состоянию.

СТУПА (Санскр.) Конусообразный памятник, в Индии и на Цейлоне, воздвигаемый над останками Будды, Архатов и других великих людей.

СУБХАВА (Санскр.) Бытие; самообразующая субстанция или "сущность, самодающая себе сущность". (См. "Экашлока Шастра" Нагарджуны.) Объясняется парадоксально, как "природа, не имеющая своей собственной природы", а также как то, что в действии и вне действия. (См. "Свабхават".) Это есть Дух внутри Субстанции, идеальная причина сил, воздействующих на процесс формирующей эволюции (не "творения", в смысле, обычно придаваемом этому слову); эти силы в свою очередь становятся реальными причинами. Выражаясь словами, употребляемыми в Философиях Веданта и Вьяя: нимитта, действующая, и упадана, материальная, причины вечно сосуществуют в Субхаве. В одной санскритской шлоке сказано: "Достойнейший из подвижников, через ее мощь (мощь действующей причины) каждая сотворенная вещь выявляется в силу присущей ей природы".

СУБСТАНЦИЯ Теософы употребляют это слово в двояком смысле, определяя субстанцию как ощущаемую и неощущаемую; и, различая материальную, психическую и духовную субстанции (см. "Судда

Сатва"), на идеальную (т.е. существующую на высших планах) и реальную субстанцию.

ШУЧИ (Санскр.) Имя Индры; а также третьего сына Абхиманима, сына Агни, т.е. одного из предвечных сорока девяти огней.

СУ-ДАРШАНА (Санскр.) Диск Кришны; пламенное оружие, играющее значительную роль в биографиях Кришны.

СУДДА САТВА (Санскр.) Субстанция, неподверженная свойствам материи; светоносная и невидимая (для нас) субстанция, из которой сформированы тела Богов и высших Дхиани. В философском смысле, Судда Сатва скорее представляет собой сознательное состояние духовного Эго-ства, чем какую-либо сущность.

ШУДДХОДАНА (Санскр.) Царь Капилавасту; отец Готамы, Владыки Будды.

СУДХА (Санскр.) Пища богов, похожая на амриту, субстанцию, дарующую бессмертие.

ШУДРА (Санскр.) Последняя из четырех каст, возникших из тела Брамы. "Каста рабов", которая вышла из ноги божества.

СУДЬЮМНА (Санскр.) Эпитет Илы (или Иды), отпрыска Вайвасвата Ману и его прекрасной дочери, возникшей из его жертвы, когда он остался один после потопа. Судьюмна была андрогинным существом, один месяц - мужчиной, другой - женщиной.

СУФИЗМ (Греч.) От корня София, "Мудрость". Мистическая секта в Персии, напоминающая ведантистов; и хотя она довольно многочисленная, но включает в себя лишь очень образованных людей. Они заявляют, и вполне справедливо, что обладают эзотерической философией и учением истинного Магометанства. Учение Суффи (или Софи) во многом соприкасается с Теософией, поскольку проповедует одну всемирную веру, и внешнее уважение и терпимость ко всем народным экзотерическим верованиям. Оно также соприкасается с Масонством. Суфии имеют четыре ступени и четыре степени посвящения: 1-я, испытательная, со строгим внешним соблюдением мусульманских обрядов, с объяснением кандидату сокровенного значения каждой церемонии и догмы; 2-я, метафизическое обучение; 3-я, степень "Мудрости", когда кандидат посвящается в самую сокровенную природу вещей; и 4-я, заключительная Истина, когда

Адепт достигает божественных сил, и завершает единение с Единым Вселенским Божеством в экстазе или Самадхи.

СУГАТА (Санскр.) Один из титулов Владыки Будды; имеет много значений.

СУКХАБ (Халд.) Один из семи вавилонских богов.

СУКХАВАТИ (Санскр.) Западный Рай необразованной толпы. В народном представлении существует Западный Рай Амитабхи, где добрые люди и святые проводят время в физических наслаждениях, пока Карма снова не уносит их в круг перевоплощений. Это преувеличенное и ошибочное представление о Дэвачане.

ШУКИ (Санскр.) Дочь Риши Кашияпы, жена Гаруды, царя птиц, носителя Вишну; мать попугаев, сов и воронов.

ШУКРА (Санскр.) Название планеты Венеры, называемой также Ушанас. В этом олицетворении Ушанас является Гуру и наставником дайтьев - великанов нашей земли в "Пуранах".

СУКШМА ШАРИРА (Санскр.) Сну-подобное, призрачное тело, родственное Манасарупе или "телу мысли". Это одеяние богов или Дхиани и Дэв. Пишется также Сукшама Шарира, и Тарака Раджа Йогами называется Сукшмопадхи ("Тайная Доктрина", I, 211).

СУКШМОПАДХИ (Санскр.) В Тарака Раджа Йоге "принцип", содержащий акк высший, так и низший Манас и Каму. Он соответствует Маномайа Коше ведантийской классификации и состоянию Свапна. (См. "Свапна".)

СУ-МЕРУ (Санскр.) То же, что Меру, мировая гора. Приставка Су подразумевает восхваление и возвеличение предмета или имени собственного, следующего за ней.

САМЕРЛЭНД. Название, данное американскими спиритуалистами и феноменалистами земле или области, где живут их "Духи" после смерти. Она расположена, как заявляет Эндрю Джексон Дэвис, либо внутри, либо за Млечным Путем. В ее описании фигурируют города и прекрасные строения, Дворец Конгрессов, музеи и библиотеки для наставления подрастающих поколений молодых "Духов".

Нас же извещают, подвержены ли последние болезням, разложению и смерти; но если нет, то утверждение, что развоплощенный "Дух" ребенка и даже новорожденного младенца растет и развивается во взрослого, трудно согласуемо с логикой. Но нам решительно заявляют, что Духи Самерлэнда вступают в брак, рождают духовных (?) детей и даже занимаются политикой. Все это не является ни сатирой, ни преувеличением с нашей стороны, так как доказательство этому - многочисленные труды м-ра Э. Джексона Дэвиса, напр., "International Congress of Spirits", если мы правильно запомнили название. Именно этот грубо материалистический взгляд на развоплощенный дух заставил отвернуться от Спиритуализма и его "философии" многих нынешних теософов. Величие смерти, таким образом, осквернено, и ее страшная и священнае тайна становится просто фарсом.

СУНАСЕФА (Санскр.) Пуранический "Исаак"; сын мудреца Ришики, продавшего его за сотню коров царю Амбарише для принесения в жертву и "всесожжения" в честь Варуны, вместо царского сына Рохиты, посвященного его отцом богу. Уже распростертого на алтаре, Сунасефу спасает Риши Вишвамитра, который призывает сотню своих собственных сыновей занять место жертвы, и после их отказа, понижает их до состояния чандал. После этого Мудрец сообщает жертве мантрам, повторение которого привлекает на спасение его богов; после чего он усыновляет Сунасефу как старшего сына. (См. "Рамаяна".) Существуют разные версии этой истории.

СУН-МИН-ШУ (Кит.) Китайское древо знания и древо жизни.

ШУНЬЯ (Санскр.) Иллюзия, в том смысле, что все существование есть лишь призрак, сновидение, или тень.

ШУНЬЯТА (Санскр.) Пустота, пространство, ничто. Название нашей объективной вселенной в смысле ее нереальности и иллюзорности.

СЮОЙЯТЕР (Фин.) В эпосе финнов "Калевала" - имя предвечного Духа Зла, из слюны которого был рожден змей зла.

СУРАБХИ (Санскр.) "Корова изобилия"; сказочное существо, одна из четырнадцати драгоценностей, извлеченных из океана молока при пахтании его богами. "Корова", исполняющая все желания своего владельца.

СУРАРАНИ (Санскр.) Титул Адити, матери богов,или суров.

СУРЫ (Санскр.) Общее название богов, то же, что и дэвы; противоположность асуров, или "не-богов".

СУ-РАСА (Санскр.) Дочь Дакши, супруга Кашияны, мать тысячи многоголовых змеев и драконов.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

ТЕОСОФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Поскольку оккультная организация всегда оставалась тайной, то относительно философских взглядов, которые она сохранила или приобрела, еще следует узнать гораздо больше, нежели это может показаться. Когда я полностью опишу свой собственный опыт, станет ясно, что великие адепты оккультизма ничего не имеют против распространения своей религиозной философии постольку, поскольку эта доктрина может послужить на пользу нашему миру, который еще не готов к чистому психологическому исследованию. Они также не являются решительными противниками случайного проявления той высшей власти

над силами Природы, которую они обрели в результате своих необычайных исследований. Те многочисленные, явно сверхъестественные явления, свидетелем которых я стал благодаря воздействию оккультных сил, никоим образом не могли бы иметь места, если бы общее правило, запрещающее Братьям демонстрировать свои силы перед лицом непосвященных, было абсолютным. В самом деле, это правило строго запрещает демонстрацию каких-либо оккультных феноменов с целью вызвать удивление и восхищение очевидцев. Я склонен думать, что этот запрет имеет абсолютную силу, если в дело не замешана некая более возвышенная цель. Но совершенно ясно, что иногда Братья могут мудро позволить демонстрацию паранормальных феноменов из чисто филантропического желания вызвать доверие к философской системе, которая сама по себе оказывает на человека облагораживающее действие. Это происходит в случае, если умы людей, к которым взывает адепт, способны подняться от преклонения перед чудом к подобающему уважению к философии, которую это чудо подтверждает.

История Теософического Общества служит наглядной иллюстрацией этого принципа. Эта история весьма пестра, потому что

феномены, которые демонстрировались, часто не производили надлежащего эффекта, иногда преждевременно разглашались и навлекали на изучение оккультной философии, как она представлялась окружающему миру и преданным лицам, которых наскоро идентифицировали с поощрением этой философии средствами Теософического Общества, множество глупых, смешных, а иногда и злонамеренных преследований. Может возникнуть вопрос: почему же Братья позволили такое неблагоразумное поведение, если они действительно столь велики и всемогущи, как я их описываю? Но ответить на этот вопрос не так трудно, как может показаться на первый взгляд. Если описание Братьев, которое я попытался представить читателю, было верно понято, то оно покажет, что по сравнению с лицами, стоящими на более низкой ступени оккультного развития, Братья, невзирая на свои силы, менее подготовлены к задачам, включающим в себя прямые отношения с множеством обычных людей в обыденном мире. Я предполагаю, что первичная цель Братства имеет очень мало общего с той задачей, которую я выполняю сейчас, а именно - со стремлением убедить широкую публику в том, что в человечестве действительно скрыты способности к столь

необыкновенному развитию, которые могут одним прыжком перенести нас в плане познания Природы далеко за пределы того, о чем мечтает физическая наука, и в то же время дать нам позитивные доказательства относительно строения и предназначения человеческой души. Разумно предположить, что Братья с симпатией отнеслись бы к подсобной цели. Но, немного поразмыслив, мы по ймем со всею очевидностью, что их первостепенная задача - поддерживать реальность того знания и тех сил, о которых я могу рассказать лишь приблизительно: Если бы Братьям пришлось взвалить на себя огромную черную работу по борьбе с флегматичным скептицизмом толпы, язвительным скептицизмом фаланги материалистов и испуганным, негодующим скептицизмом религиозных ортодоксов, можно предположить, что они - proper vita vivendi perdere causas* - даже могли бы допустить гибель самой оккультной науки ради того, чтобы убедить человечество, что эта наука действительно существовала. Конечно, можно было бы навести оккультистов на мысль о том, что в оккультизме, как и в любой другой области, возможно разделение труда и что ряд адептов, пригодных для этой работы, можно бросить на борьбу с недоверием современной науки, в то время как остальные

будут по-прежнему исполнять свои первоочередные обязанности, оставаясь в милом их сердцу уединении. Но сколь бы практичным ни выглядел подобный совет в глазах нашего практичного мира, он представляется совершенно непрактичным с точки зрения подлинного мистика. Прежде всего, человек, стремящийся стяжать лавры на ниве оккультизма, предпринимает громадные, долговременные усилия, являющиеся условием успеха, совсем не для того, чтобы по завершении своих трудов погрузиться в жизнь обычного мира - ту жизнь, которая будет неизбежно внушать ему крайнее отвращение в случае его гипотетического успеха. Вероятно, не найдется ни одного истинного адепта, которому любой образ жизни, кроме отшельничества, не внушал бы отвращения и антипатии, даже превосходящих ту антипатию, которую у нас, обычных людей, вызывает мысль о том, чтобы заживо похоронить себя в далекой горной обители, где не ступает нога человека и куда не доносится голос внешнего мира. Очень скоро я докажу вам, что присущая адептам любовь к уединению отнюдь не исключает знания европейской культуры и манер. Напротив, эта склонность вполне совместима с обладанием европейской культурой и соответствующим опытом. Обнаружив их у человека восточного

происхождения, люди, знающие жизнь Востока лишь с ее обыденной стороны, бывают удивлены.

Итак, если вообразить, что некий адепт откомандирован, согласно приведенному здесь предложению, с целью доказать научному миру, что существуют области знаний, еще не исследованные наукой, и вполне достижимые для человека способности, об обладании которыми ученые пока даже не смеют мечтать, - этот адепт может либо исполнять свое задание по обязанности, либо взяться за него добровольно. В первом случае мы вынуждены допустить, что оккультное братство обращается со своими членами деспотично, в манере, которая, по моим наблюдениям, ему совсем не свойственна. Во втором случае нам придется предположить, что адепт добровольно принес в жертву то, что ему не только милее всего, но и является для него высшей жизнью. Но ради чего? Ради выполнения задачи, которую он считает не слишком важной, - конечно, лишь относительно, в сравнении с другой задачей, в решении которой он может принять участие, то есть с сохранением и, быть может, развитием самой великой науки. Но я не хочу развивать свою аргументацию, потому что это вскоре потребует иного, специального рассмотрения. На сей раз

достаточно указать, что существуют определенные соображения, не позволяющие принять метод убеждения, который, по мнению обычных людей, является наиболее подходящим для того, чтобы ознакомить современный интеллект с оккультными истинами.

Судя по всему, эти соображения и побудили Братьев благосклонно отнестись к Теософическому Обществу, которое они рассматривают как более или менее несовершенный, но, за неимением лучшего, подходящий инструмент для того, чтобы выполнить определенную часть работы, в которой Братья искренне заинтересованы, хотя в данный момент они и не готовы взяться за нее сами.

Что же это за специфические обстоятельства, в силу которых Теософическое Общество, во многих отношениях несовершенное в плане организации и управления, до сих пор является органом, наиболее подходящим для распространения оккультных истин? Объяснением этому служат рвение и качества его основательницы - мадам Блаватской. Для того чтобы выразить сочувствие или оказать поддержку какомулибо обществу, занятому пропагандой оккультной философии, Братьям, несомненно, необходимо тем или иным

способом наладить с этим обществом оккультные контакты. Нельзя забывать: хотя нам кажется поразительным и невообразимым, что можно спокойно сидеть дома и на расстоянии внушать свои мысли далекому другу, однако Брат, живущий в неведомой гималайской обители, не только способен совершенно свободно общаться с любым из своих друзей, которые являются посвященными, подобно ему, в какой бы части света они ни находились. Более того: он счел бы непереносимо громоздкими и неэффективными любые другие способы связи, которыми удовлетворяются люди внешнего мира с их невысокими способностями.

Кроме того, для того чтобы Брат смог помогать обществу, которое развернуло свою деятельность среди людей, живущих в миру, он должен получать известия от этого общества с тою же легкостью, с какой он сам посылает ему сообщения. Следовательно, на другом конце этой линии связи должен находиться посвященный. В конечном счете правила оккультизма, несомненно, требуют соблюдения вышеупомянутого условия или, что то же самое, запрещают мероприятия, которых можно избежать только при этом условии.

Комментарий редактора. Всё хорошее, говоримое здесь и далее о Теософском обществе, я считаю современному Теософскому неприложимым K обществу Poccuu. возглавляемому, кажется. Дмитрием Поповым. Несколько лет назад я состоял членом правления этого Общества, по приглашению Дм. Попова, и видел это Общество изнутри. Скажу очень мягко — я от этого зрелища не в восторге. теософским, это общество Чтобы считаться теософов, должно состоять **U**3 НО там ux практически нет. Считать же себя теософом может каждый, — что и происходило, когда я там был.

(продолжение предполагается)

коротко

Открыто явление так называемой реверсивной речи, получаемое при прокрутке магнитозаписи речи задом наперед. Исследователи утверждают, что реверсивная речь выражает то, что человек дейстпроговавительно думает при ривании обычной речи — так сказать, открываются сокровенные говорящего, причём независимо от его желания. Однако смысл ревервысказывания далеко СИВНОГО всегда ясен, поэтому требуются дальнейшие исследования.

> Источник: газета "Московская правда" от 02 августа 2001 г.

С другой стороны, пусть поймёт народ, ищущий грань меж Добром и Злом: в какой-то мере бредёт вперёд тот, кто с виду кружит в былом.

Иосиф Бродский

Варлам ШАЛАМОВ

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

(продолжение)

«Сучья война»

Много лет после того, как кончилась война 1941-45 уголовном мире, ГГ., В на дне моря, еще отшумели человеческого не подводные кровавые волны. Волны эти были войны следствием удивительным, непредвиденным следствием. Никто седовласые уголовные юристы, тюремной администрации, ни многоопытные лагерные начальники — не могли предвидеть, что война разделит уголовный дим враждебные друг другу группы.

войны время сидевшие тюрьмах В преступники — в том числе и многочисленные были воры-рецидивисты, урки направлены армию, на фронт, маршевые Армия приобрела роты. Рокоссовского

известность и популярность именно наличием в **УГОЛОВНОГО** элемента. Из уркаганов выходили лихие разведчики (один из тех «двух бойцов» в кинофильме...) и смелые партизаны. Природная склонность к риску, решительность и делали из НИХ ценных солдат. мародёрство, стремление пограбить на Правда, смотрели СКВО3Ь пальцы. окончательный штурм Берлина не был доверен Рокоссовского Армия частям. Тиргартен другое место, нацелена В a В двинулись кадровые части маршала Конева полки наиболее чистой пролетарской крови.

Словом, уголовники из тюрем уходили на фронт, воевали там — кто хорошо, кто худо... Но Победы, День герои-уркачи демобилизовались вернулись И мирным И вскоре советские послевоенного времени встретились на своих заседаниях со старыми знакомыми. Оказалось — и это-то предвидеть было нетрудно рецидивисты, уркаганы, воры, «ЛЮДИ», преступный мир и не думают прекращать дело, войны давало ДО ИМ средства существованию, творческое волнение, минуты подлинного вдохновения,, а также «положение в обществе».1 Бандиты вернулись к убийствам, «медвежатники» — ко взломам несгораемых шкафов, карманники исследованиям К «лепёхах». чердаков «скокари» на К

-

¹ Действительно: уголовный эгрегор вознаграждает верно ему служащих — как и почти всякий другой эгрегор. (— Ред.)

квартирным кражам. Война, скорее, укрепила в них наглость, бесчеловечность, чем научила чему-либо доброму.² На убийство они стали смотреть еще легче, еще проще, чем до войны.

Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью. Явились указы 1947 об года охране социалистической собственности и об охране личного имущества граждан. По этим указам даже незначительная кража (но не у гражданина, а у государства!) за которую раньше расплачивался несколькими месяцами заключения, стала караться двадцатью годами. И поэтому воры всю свою энергию обратили на имущество граждан, государственное имущество стараясь не трогать.

Воров, бывших участников Отечественной войны, стали десятками ТЫСЯЧ грузить отправлять многочисленные пароходы И В трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не замирала и во время войны. Лагерей к времени было очень много. Севвостлаг, Севзаплаг... — в каждой области, на каждой большой или маленькой стройке были лагерные отделения. Наряду карликовыми C управлениями, едва превышавшими человек, были лагеря-гиганты с населением, в годы их расцвета, по нескольку сот

² И именно в этом одно из ярких отличий людей Бога от людей Сатаны: плохие условия, плохое окружение обычно делают плохого человека (сатанинскую душу) еще хуже, а хорошего человека (душу от Бога) — еще лучше. (— <u>Ред.</u>)

человек: Бамлаг, Тайшетлаг, Темники, Караганда…

Лагеря быстро стали наполняться уголовщиной. особым C вниманием больших отдаленных комплектовались два лагеря — Колыма и Воркута. Суровая природа Крайнего Севера, вечная мерзлота, десятимесячная зима сочетании В целеустремлённым режимом создавали удобные условия для ликвидации уголовщины. произведённый Сталиным «троцкистами» в 1938 году, увенчался полным успехом и был всем хорошо памятен.

На Колыму и Воркуту стали приходить эшелон за эшелоном осуждённых по указам 1947 года. Хотя в трудовом отношении блатные были малоценным материалом и вряд ли были особенно пригодны для колонизации края, зато Крайнего Севера было Стало быть, задача невозможно. изоляции Кстати, надёжно. разрешалась географические особенности Крайнего Севера были на Колыме причиной появления особой категории беглецов (красочный блатной термин — «ушедшие во льды»), которые никуда, по сути дела, не бежали, а прятались около трассы автомобильной дороги две тысячи В длиной, грабя километров проезжающие главную вину этим беглецам В ставились не побег сам по себе и не разбой на большой дороге: юристы видели В уклонение от работы и трактовали эти побеги

как контрреволюционный саботаж, как отказ от главное работы лагерное преступление. усилиями Соединенными юристов мыслителей лагерной администрации И3 уголовный рецидив был, наконец, втиснут в рамки самой страшной, 58-й статьи.

Каков вора? Bop, катехизис член (это определение преступного мира «преступный «цим принадлежит ворам) должен воровать, обманывать гулять, играть в карты, не «фраеров», пить, работать, участвовать в «правилках» (то есть воровских «судах чести»).³ Тюрьма для вора хоть и не родной дом, не какие-нибудь «хаза», или «малина», или «шалман», но место, где вор вынужден проводить большую часть жизни. Из этого следует важный вывод, что в тюрьме блатные должны обеспечить себе наглостью, хитростью, обманом неофициальные, но важные права, вроде права на делёж чужих передач или чужих вещей, вроде права на лучшее место, на лучшую пищу, и т.д. Практически это достигается всегда, камере есть несколько воров. Именно они-то и всё, что приобретают ОНЖОМ приобрести тюрьме. Эти «традиции» позволяют вору жить лучше других в тюрьме и лагере⁴.

Небольшой срок заключения, частые амнистии давали ворам возможность без

⁴ Сильно отяготив при этом свою карму... (— <u>*Ped.*</u>)

³ Всё точь-в-точь обратное Божественным заповедям... (— <u>Ред.</u>)

особенных забот провести время заключения, не работая. Работали — и то время от времени — только специалисты: слесари, механики. Ни один вор не работал на «черной» работе: лучше он просидит в карцере, в лагерном «изоляторе»...

Указ 1947 года с его двадцатилетним сроком за незначительные преступления (прежде всего — перед государством, а не гражданами!) поновому поставил ворами проблему перед «занятости». Если вор мог надеяться, работая, пробавляться правдами и неправдами несколько месяцев или год-два, как раньше, то теперь надо было фактически всю заключении проводить или В полжизни мере. А жизнь вора «Паханов» — стариков — среди урок мало. Воры живут. Смертность не среди значительно выше средней смертности стране.

Указ 1947 года поставил перед преступным миром серьезные проблемы, и лучшие блатные умы напряжённо искали надёжного решения вопроса.

По воровскому закону, вор не должен, находясь в заключении, занимать какие-либо административные лагерные должности, выполнение которых вверяется заключённым. Ни нарядчиком, ни старостой, ни десятником вор не имеет права быть. Этим он как бы вступает в ряды тех, с кем вор всю жизнь находится во вражде. Вор, занявший такую

административную должность, перестает быть вором и объявляется «сукой», «ссучившимся», объявляется вне воровского закона, и любой блатной сочтет честью для себя зарезать при удобном случае такого ренегата.

Щепетильность преступного мира ЭТОМ вопросе велика, И правоверные очень толкования некоторых СЛОЖНЫХ дел напоминают тонкую и извитую логику Талмуда. вахты. Дежурный Например: вор идет мимо надзиратель кричит ему: эй, ты, ударь в рельс, позвони, мимо идёшь... Если вор ударит в рельс — сигнал побудок и поверок — он уже нарушил закон, «подсучился».

«Правилки», «суды или чести», представляют собой сборища «авторитетных» воров, где «качают права» и заняты, главным образом, рассмотрением дел и провинностей, связанных именно с изменой своему знамени и «юридическим» толкованием ТОГО или Виновен подозрительного поступка. невиновен? Утвердительный ответ судов чести влечет обычно за собой — и почти немедленно кровавую расправу. Убивают, конечно, не судьи, убивает воровская молодёжь.⁵ Главари всегда считали, что такие «акты» полезны для приобретает вора: молодого опыт, OH закаляется...

(продолжение предполагается)

_

⁵ Однако более тяжёлую карму, при прочих равных условиях, получают именно «идеологи». (— Ред.)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Прополукация	
Продолжение.	

Вдоль стен — железные кровати, на спинках полотенца, стол без скатерти, четыре стула, кухонная тумбочка с посудой. Одежда висит на вбитых в стену гвоздях. Если бы не детская кроватка, тесная комната напоминала бы студенческое общежитие.

— С нами живет Маша, наша бывшая домработница, — объяснила Лена, — теперь уборщица на фабрике, в выходной сидит с ребенком, а я хожу по учреждениям.

Такой безысходной нищеты Варя еще не встречала. Все кругом бедные, но то бедность многолетняя, привычная, люди к ней приспособились. На Лену нищета обрушилась внезапно — выбросили из квартиры, выгнали с работы, ограбили, обворовали, лишили всяких средств к существованию.

Лена одевала Ваню, собиралась в магазин; Варя предложила пойти вместо нее.

- Там очередь, предупредила Лена.
- С ребенком пускают без очереди?
- Кого теперь пускают без очереди?
- Постою.
- Ну, хорошо, спасибо, вот деньги, купи две бутылки кефира.
  - Может быть, еще что—нибудь?
  - Ни в коем случае, больше ничего не надо.

Кроме кефира, Варя купила сметану, плавленые сырки, десяток яиц и триста граммов мармелада.

- Хочешь закатить нам пир? Лена с укоризной покачала головой. В другой раз этого не делай. Я чувствую себя неловко.
- В другой раз посмотрим, улыбнулась Варя.
- К ней, смешно переваливаясь на чуть кривеньких ножках, подошел Ваня, уцепился за подол юбки. Хорошенький, беленький (в Шарока, подумала Варя), пучил на нее голубые глазки. Лена подхватила его на руки, села к столу.
- У нас было три обыска. Она налила в чашку кефир, вложила в руку сына кусок хлеба, поцеловала его в макушку. — Один обыск — на Грановского, когда брали папу, другой — на даче, третий — здесь, когда брали все деньги, драгоценности, облигации, книги, мои платья, папины костюмы, ведь все заграничное, как можно оставить? Две комнаты сразу опечатали, всё, что там было, тут же пропало — папины и мамины документы, патефон, даже велосипед Владлена. Я написала заявление, просила вернуть необходимое, никто не ответил. После обыска заставили расписаться, что никаких претензий к НКВД нет, пригрозили: "Не подпишете — ничего не оставим". Тащили прямо на наших глазах, взламывали замки у чемоданов. Всё унесли, даже шкаф, — повидимому, и бедный шкаф оказался антисоветским.

Она снова поцеловала сына в макушку, исподлобья взглянула на Варю.

- С работы выгнали сразу, как арестовали папу, сократили мою должность, через неделю должность восстановили, взяли другого человека.
- А кем ты работала? Варя тоже решила говорить ей "ты".
- Переводчик с английского. И французский знаю. А вот не берут. Позвоните через неделю, потом еще через неделю, а один тип сказал: "Смените фамилию". Представляешь, это когда я хотела устроиться ночной уборщицей, мыть полы и туалеты. Увидела объявление: нужны почтальоны. Меня устраивает, письма и газеты можно разнести, пока Владлен не ушел в школу, под присмотром. Зашла. же Ванечка Говорят: "Пишите заявление и завтра приходите к шести утра". Прихожу назавтра, они опускают "Извините, место занято". несколько дней смотрю объявление попрежнему висит. И все равно хожу, хожу... И в НКВД и на Кузнецкий, 24, и в прокуратуру, и в военную прокуратуру, папу искала по тюрьмам, маму... Никого не нашла, осудили "без права переписки", значит, нет их уже... Так бы сказали, — нет, надо гонять из тюрьмы тюрьму, от окна к окну, мучают людей!
  - Мне это знакомо.
  - Да? У тебя кто-нибудь арестован?
  - Я носила передачи Саше Панкратову.

Лена потемнела лицом.

— Мы все виноваты перед Сашей, не помогли ему тогда...

- A что вы могли сделать?
- Не знаю, что именно, но должны были делать. Писать письма, заявления, ходить в НКВД, к прокурорам, отстаивать своего товарища. Тогда только начиналось. А мы молчали. Теперь расплачиваемся за это. И я, и мой отец, и Сашин дядя, тысячи, миллионы людей расплачиваются.
- Началось раньше: с коллективизации и раскулачивания.
- Да, конечно. Лена спустила мальчика с рук, он пошел к своим кубикам, уселся возле них на полу. — Но я тогда жила за границей, ничего этого не видела. А Саша — это на моих глазах. Не знали мы, что это нас коснется. И сейчас, когда я вижу людей, которые отворачиваются от меня, я думаю: и к вам это придет, и тогда вы вспомните про тех, кого избегали. Ведь за эти три, вернее, четыре года я ни разу не была у Сашиной матери. Не хотела прикасаться страданию, берегла **Ч**УЖОМУ собственное спокойствие — и наказана за это. Такие мысли приходят, Варенька, в голову. Стыдно, стыдно.
- У каждого человека есть такое, о чем стыдно вспоминать, сказала Варя.

Лена вздохнула, посмотрела на часы, потом на Варю.

— Сейчас из школы придет Владлен. Я хочу тебя предупредить. Ему тринадцать лет, он целиком под влиянием пропаганды, прочитал в газетах все отчеты о процессе Бухарина — Рыкова, верит каждому слову, проклинает

подсудимых, говорит, что их надо посадить в клетки, держать там, как зверей, и пусть люди плюют в них. Папу и маму тоже проклинает, говорит: "Они такие же, как Бухарин и Рыков". Мечтал стать летчиком, понимает, что летчиком ему теперь не быть, хотя он и авиамоделист, способный в этой области мальчик, но его уже не послали на соревнования авиамоделистов, он чувствует себя изгоем и во всем винит отца и мать. Он даже в школе выступил с осуждением своих родителей.

- Не он первый.
- Да, но я знаю других детей. Наши родители боролись за свои идеи. Кто знал, что потом все захлебнется в крови... Но втолковать это Владлену в голову я не могу. Ни капли жалости ни к отцу, ни к матери. Впрочем, и родители были далеки от нас, детей, не хватало на нас времени, занимались своими партийными, государственными делами. Она показала на игравшего в кубики Ваню. Ты догадываешься, чей это сын?
  - Юры Шарока.
- Ужасная, недостойная связь, моя тяжелая ошибка, спокойно проговорила Лена, глядя Варе в глаза, однако знаешь, чем он меня привлек, помимо всего прочего? Как это ни странно, своей семьей.
- Да? пожала плечами Варя. Гаже людей я не видела...
- Теперь и я понимаю. Но тогда по контрасту с моим домом мне показалось вот настоящая

семья, дружная, спаянная. А у нас... Я не помню случая, чтобы мы вчетвером сидели за столом, все ели в разное время. Так мы росли... Не спрашивай у Владлена про отца и мать, не говори с ним о политике, как всякий подросток, он жесток в своих убеждениях.

Варя кивнула головой.

— Ладно, учту.

Со двора донесся шум. Лена подошла к окну, поманила пальцем Варю.

— Такое в этом доме происходит каждый день.

Возле их подъезда разгружались четыре грузовика — въезжала новая семья: толстый энкаведешник в форме, с пистолетом на боку, шумная, крикливая жена, две белобрысые девочки лет семи-восьми. Энкаведешник грубо командовал грузчиками, их было девять или десять человек, распаковывали вещи.

- У нас шкафы, столы, диваны, сказала Лена, все было казенное, на всем висели бирки. Люди были равнодушны к барахлу. А у этих старинная павловская мебель, зеркала, столы, буфеты, кресла, рояль!
- Все наворовано, награблено, проговорила Варя. Будь у меня сейчас пулемет, всех бы до одного перестреляла к чертовой матери!
- Варя, никогда не говори таких вещей, никогда и никому, даже самому близкому человеку.
- А что такого? усмехнулась Варя. Я это про грузчиков сказала. Двигаются, как мухи! Не

могут обслужить работника наших доблестных органов?!

- Даже насчет грузчиков так не говори.
- Ладно, помолчим.

Владлен, Пришел школы угрюмо И3 Варей, кинул поздоровался C на кровать брезентовый портфель. истрепанный подала ему обед: щи без мяса и пшенную кашу. Он поел, не поблагодарил, ушел, не сказав, когда вернется.

- что-то решать с Владленом, прошлой Ha вздохнула Лена. семей восемьдесят пять И3 нашего выслали из Москвы. Что творилось! Погром! подушек не пух из выпускали. полон двор, Энкаведешников швыряли машину людей, чемоданы. Ходят слухи, уже есть список еще на шестьдесят семей, вероятно, и я в их числе. Что я буду делать с Владленом на новом месте? Я и здесь не могу его прокормить, требует мальчик растет, организм Порвались башмаки, на что купить новые? Продавать больше нечего. Все, что у меня есть, все на мне. Тяжело об этом думать, но, видимо, придется отдать Владлена в детдом, я ходила в райисполком, меня послали на Даниловский вал, в детский распределитель НКВД, но там ужас, детская тюрьма.
- Оттуда распределяют в детские дома, а там более сносно.

Лена опять вздохнула.

- Другие тоже так говорят. Из нашего дома многие матери сдали туда своих детей, успели перед высылкой. Придется, видно, отдать Владлена, он сам этого хочет. Один раз нечего было есть, он закапризничал, вывел меня из терпения, я ему сказала: "Сдам в детский дом, там тебя накормят". Он ответил: "Очень хорошо. Хоть избавлюсь от этой проклятой фамилии".
- Если тебя вышлют, что будет с Ваней? спросила Варя.
- Будет со мной. Устроюсь на работу, не уморят же они нас голодной смертью.
  - Ты будешь работать, а сын с кем?
- Не знаю... Не могу же я бросить своего ребенка! Ну, вдвоем умрем. Некоторым семьям разрешили выбирать город ссылки, но я не знаю, что выбрать. Есть какие-то дальние родственники в Мотовилихе, в Баку, я с ними незнакома, даже адресов не знаю. Да и боятся сейчас люди всего... Иногда хочется уснуть и не просыпаться, не возвращаться в этот кошмар.
- Если тебе все же дадут возможность выбрать город, назови Мичуринск, там живет моя тетка, старенькая, правда, но еще бодрая и очень добрая женщина; живет одна, сможешь у нее остановиться. Если не дадут Мичуринск, проси Уфу.
  - Почему Уфу?
- Почему Уфу? повторила Варя. Знаешь, ведь Саша на свободе.
  - **—** Да?

— Отбыл срок, но не имеет права жить в больших городах. Работает шофером в Уфе, Софья Александровна пишет ему до востребования, и ты, как приедешь, брось ему открытку до востребования.

Лена подумала, отрицательно помотала головой.

- Это не годится. Саша судимый, я "дочь врага народа", еще больше осложню его положение. Не имею на это права. Если мне позволят выбирать, то Мичуринск лучше есть хоть к кому явиться с вокзала, переночевать первую ночь. Но, вероятнее всего, меня не спросят, куда я хочу, вышлют, и все.
  - Но все же, если спросят, настаивала Варя.
- Тогда назову Мичуринск, но примет ли меня с ребенком твоя тетя?
  - Примет обязательно. Я ей напишу.
  - Спасибо тебе. Мне это очень поможет.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэйвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

* * *

ВВЕДЕНИЕ

По происхождению своему я считаю себя коренным москвичом, хотя, если строго разобраться, исконной москвичкой является только моя мама, все обозримые предки которой проживали в Москве. В нашей семье о них старались

не упоминать, а от всех прочих их происхождение тщательно скрывалось. И это было вполне оправдано — ведь предки моей бабушки были священнослужителями. А в советское время, особенно в первые годы, потомки дворян, представителей духовенства, и просто богатых людей, называемых буржуями, подвергались репрессиям. Мой пра-пра-дедушка, - Виноградов Петр Ильич - известный в Москве меломан, был протоиереем и заведовал ключами Успенского собора в Кремле. А вот прадедушка, Иван Гаврилович Полканов, обладавший прекрасным низким голосом, служил в том же соборе протодиаконом и женился на его дочери. От этого брака и родилась моя бабушка -Полканова Ольга Ивановна. Она прожила долгую жизнь и умерла, когда мне было двадцать восемь лет. Но тогда меня не очень интересовало наше прошлое и я, к сожалению, особенно не расспрашивал ее о жизни своих предков, тем более, что тема была нежелательной. Из предосторожности многие семейные документы были когда-то просто уничтожены. Чудом сохранились фотографии и Петра Ильича и Ивана Гавриловича, который ушел из жизни в самом начале советского режима и не попал под репрессии.

Бабушка моя была в молодости девушкой эмансипированной. Являясь поповской дочкой, она, тем не менее, вращалась в обществе

барышень нового типа, интересовавшихся науками, искусством и театром, ведущих более свободный и независимый образ жизни. Она работала секретарем в Московском Университете и позднее, до самого моего рождения, в Ученом медицинском совете. Ее муж, мой дед - Толченов Иван Григорьевич - был певцом. Он служил в Государственной хоровой капелле, пел на оперной сцене и в церковных хорах. Одно время он работал и в популярном народном хоре Агреневой-Славянской, где иногда пела и моя бабушка. Перед самой революцией, в возрасте одиннадцати лет, там стала выступать и их дочка, Катя Толченова, моя будущая мама. В первые годы советской власти хор эмигрировал, а скорее всего - просто не возвратился после гастролей в Манчжурию, но бабушка с дедушкой на это не решились, и слава Богу, а то неизвестно, что было бы со мной. В двадцатые годы моя мама поступила сперва в Синодальное училище, попав в первый женский набор, а затем окончила Московскую Государственную Консерваторию. Она стала дирижером-хоровиком и преподавателем теории музыки. Вот тут-то, в начале 30-х годов, она и встретила моего будущего отца, Козлова Семена Филипповича, который учился в аспирантуре Пединститута, готовясь быть кандидатом наук по психологии. Он попал в Москву, пройдя перед этим непростой жизненный путь. Будучи одним из десяти сыновей в большой, зажиточной

крестьянской семье, проживавшей в селе

неподалеку от Самары, он попал на фронт в самом начале Первой мировой войны. Там он был ранен и контужен, перенес тяжелейшую операцию по удалению легкого, причем без наркоза. Это был человек с железной волей. Он мог терпеть любые невзгоды, боль и страдания, никогда не жалуясь при этом. И еще ему была присуща одна черта, тяжелая как для него, так и для других. Он был упрямо-принципиальным и всегда говорил людям то, что думает. Как говорится, резал правду-матку в глаза. В принципе, он был болезненно честным человеком, что и выражалось в прямоте. Очевидно, он нажил в своей жизни немало врагов из-за этого. Я прочувствовал все недостатки такой черты характера на собственной шкуре, поскольку мне эта ненужная иногда прямота передалась по наследству. Нет чтобы иногда промолчать... Не тут-то было. Генотип сильнее разума.

Среди самарских родственников по линии отца существует легенда о том, что в нашем роду есть персидская кровь. Сам отец, в те времена, когда мне это было абсолютно безразлично, рассказывал историю о том, что один русский офицер привез с войны пленную персидскую девочку и подарил ее своей матери, помещице в Самарской губернии. Девочка эта стала крепостной, и когда подросла, ее выдали замуж за такого же крепостного. Я думаю, что моя бабушка, то есть мать отца, и была внучкой этой персиянки. Все это могло бы оказаться простой

выдумкой (правда, не знаю, зачем), если бы не некоторые объективные данные. Согласно законам генетики, открытым еще Менделем и долгое время не признававшимся в СССР, основные признаки скрещиваемых особей проявляются совершенно одинаково у разных поколений потомков первоначальной пары. Если скрещивали черную крысу с белой, то на таблице, изображавшей все последующие поколения, можно видеть, что иногда среди серых крыс рождались то черные, то белые, причем с предсказуемым моментом появления. Так и в нашем роду, среди типичных русаков встречаются люди с явной восточной внешностью. Например, один из моих двоюродных братьев - Женя Козлов — был вылитый перс, с жесткими черными волосами, крючковатым носом, с черными восточными глазами. Не знаю почему, но мне хотелось бы верить в это семейное предание и чувствовать себя не только русским, но и немного персом, частью древней и могущественной когда-то культуры. И потом это как-то объясняет мою непреодолимую тягу к древним восточным знаниям, к восточной музыке и восточным женщинам.

Во время революционных событий папа мой был простым солдатом на немецком фронте и, естественно, попал под большевистскую агитацию. Насколько я помню по его рассказам, он даже был солдатским депутатом. Но главное - он сделался тогда на всю жизнь фанатиком идеи

коммунизма, не допускавшим никаких посягательств на эту догму, никаких ревизионистских рассуждений, критики, или, не дай Бог, отрицания каких-либо положений. Находясь в армии, а затем в госпиталях, он экстерном окончил среднюю школу, затем, в советское время - институт в Самаре. Поработав учителем, поехал в Москву, в аспирантуру. Здесь, странным образом судьба свела его с известным в свое время "придворным" сталинским поэтом Демьяном Бедным (настоящие фамилия и имя — Ефим Придворов), который проживал в роскошном особняке на Рождественском бульваре. Д. Бедный печатался в центральных газетах, откликаясь злободневной сатирой на все основные события, происходившие у нас и за рубежом. Одно время он был своеобразным идеологическим рупором. Такие люди обычно непотопляемы, но с ним произошел казус, который стоил жизни Осипу Мандельштаму, а Бедному - карьеры. Этот случай подробно описан в ряде мемуаров современников тех лет, но я вкратце напомню, что тогда произошло. Демьян Бедный был, кроме всего прочего, одним из крупнейших библиофилов и собирателей книг в Москве. Как все коллекционеры, он не любил давать

читать свои книги никому. Но Сталину, который был с ним в какой-то степени в приятельских отношениях, он отказать не мог. Вождь народов читал книги неаккуратно, слюнявил пальцы, загибал и замусоливал страницы. Демьяна Бедного это раздражало. И однажды, в узкой компании друзей, где был и Осип Мандельштам, он посетовал на это. Несколько позднее Мандельштам написал страшное стихотворение о Сталине, которое стало ходить по рукам. Естественно, что постепенно органы НКВД выяснили, чье это творение. Дело в том, что помимо остальных крамольных строк, типа "Мы живем, под собою не чуя страны" или "Что ни казнь у него - то малина, и широкая грудь осетина", в этом стихотворении было упоминание о толстых пальцах Сталина, похожих на жирных червей. Естественно, что кто-то из присутствовавших на той узкой вечеринке донес Сталину о недовольном ворчании Демьяна Бедного по поводу замусоленных страниц. После этого ничего не стоило сопоставить те высказывания о жирных пальцах с текстом анонимного стихотворения. В результате Осипа Мандельштама расстреляли, а Демьяна Бедного Сталин

пожалел. Он оставил его жить, но из поля зрения

читателей поэт исчез

навсегда.

Так вот, очевидно, несколько ранее этих событий, еще в начале 30-х годов, мой отец как аспирант, на время учебы получил временную жилплощадь небольшую комнатку в подвале дома Демьяна Бедного, которого таким образом слегка "уплотнили". Еще работая в Самаре, мой папа увлекался поэзией и даже печатался в местных изданиях под эгидой Общества крестьянских поэтов. Когда он показал Демьяну Бедному свои стихи, тот отозвался о них положительно и даже предложил отцу быть его сотрудником, типа безымянного литературного "раба". Но отец не стал резко менять намеченного жизненного пути и отказался. По окончании им аспирантуры Д. Бедный помог отцу с получением московской прописки и комнаты на улице Чехова. Так отец стал москвичом. В этот период и познакомились мои будущие родители. Женившись на моей маме, которая честно рассказала ему о своем поповском происхождении, отец проявил определенное мужество, поскольку люди, относившиеся в прошлом к аристократии, к дворянам, помещикам, капиталистам или духовенству, подвергались репрессиям, ссылались, лишались имущества. Слава Богу,

прадедушка Иван Гаврилович Полканов ушел на тот свет до начала страшных преследований священнослужителей, вскоре после революции. Но вся его собственность — несколько небольших доходных домов — была национализирована. Дом, где жили мои бабушка, дедушка и мама, был "уплотнен" приезжими жильцами, новые хозяева жизни оставили им лишь одну комнату.

Ко времени женитьбы мой отец был уже членом ВКП(б) и имел возможность оградить маму от возможных преследований. Во время Великой отечественной войны он сделал так, чтобы и она вступила в партию — для надежности. Так что значительная часть моей сознательной взрослой жизни прошла в типичной коммунистической семье, под знаком серьезных идеологических разногласий. Семья наша оказалась "не без урода", в моем лице. Своей неприязни к строю, которая возникла на почве запрета джаза, полюбившегося мне с детства, я дома не скрывал. Это не просто расстраивало моих родителей, — они постоянно боялись, что из-за моего длинного языка меня "заметут", да и им придется несладко. Чаще всего мы с отцом вступали в конфликт из-за джаза, который он органически не принимал. Его просто трясло от гнева, когда он, зайдя ко

мне в комнату, слышал из радиоприемника хриплый голос Луиса Армстронга. Тогда, в начале 50-х годов, мы и понятия не имели, кто это такой. Мы слышали только голос, но не видели цвета лица, да и имени этого певца не знали. Поэтому мой отец вкладывал в грубый низкий тембр Армстронга свое представление обо всем негативном, связанном с ненавистным образом Соединенных Штатов Америки. В его глазах это был толстый буржуй, естественно, белый, — в смокинге, с сигарой и в цилиндре, как на карикатурах из "Крокодила" или из стихотворения В. Маяковского "Мистер Твистер". Я тоже думал тогда, что Армстронг - белый. Поразительно, но при всей нетерпимости к западной музыке и вообще ко всему иностранному, мой "предок" покупал для меня все, о чем бы я его ни просил, будь то радиоприемник с короткими волнами, магнитофон или американские костюмы и ботинки, которые я доставал отнюдь не в универмагах. Он ни в чем не мог отказать мне и, как любой фанатик, заражался моими увлечениями, поступая нередко вопреки собственным убеждениям, видя, какое удовольствие доставляет мне любая новая покупка. Но здесь я уже сильно забежал вперед, поэтому

лучше вернуться в

предвоенные годы, о которых следовало бы упомянуть, поскольку мне запомнилось не столько то, как мы жили до войны, сколько сам момент крушения счастливой и беззаботной жизни, который мне пришлось пережить вместе со всеми детьми моего поколения. Это было типичное счастливое детство, со сладкой манной кашей и бутербродами с красной икрой по утрам, с чулками на резинках, с распеванием на всю улицу "Ты не бойся ни жары и ни холода, закаляйся, как сталь!", сидя на отцовском загривке. Летом 1941 года мы с мамой были в доме отдыха, мне было тогда шесть лет. Когда объявили о войне, дом отдыха мгновенно опустел, остались лишь матери с детьми. На какой-то случайной подводе мы добрались до станции. И здесь я впервые увидел лик войны. Это были поезда, сплошь облепленные висящими людьми. Это были попытки влезть в поезд, это была паника и давка на вокзале в Москве. Я помню это чувство конца детства, но не конца света. Я как-то сразу понял умом всю серьезность новой ситуации и осознал необходимость терпеть все, что может случиться. Это понимание ответственности за свое поведение позволило мне прожить тяжелые военные

годы, не капризничая и не доставляя дополнительных хлопот своим близким. Во время бомбежек, когда меня вдруг будили среди ночи и, быстро накинув что-нибудь, тащили в подвал, в бомбоубежище, я никакого страха не испытывал. Просто мне передавалось общее чувство тревоги, исходившее от взрослых. Затем начались приключения во время эвакуации, теплушки, заезд в окружение, бомбежки, отсутствие еды. После того, как отец, будучи инвалидом Первой мировой войны, все-таки ушел добровольцем на фронт, мама, бабушка и я были эвакуированы осенью 1941 года вместе со всеми семьями сотрудников МГПИ им. Ленина, где он преподавал. Поразительно, но я запомнил все, что произошло с нами в эти страшные военные годы, гораздо более отчетливо, чем позднее, когда жизнь понемногу наладилась. Моя мама, простой музыканттеоретик, проявила в эти годы поразительную энергию и приспособляемость, берясь за любую работу, организовывая людей вокруг себя. Зато бабушка, этот осколок дореволюционного строя, в тяжелые и опасные моменты во время эвакуации впадала в состояние какой-то прострации, становясь как бы

равнодушной ко всему происходящему. Я

видел это и старался подбадривать ее. Сейчас я понимаю, что тогда для некоторых пожилых людей крушение мирной жизни означало конец света. Статистика тех лет говорит, что в начале войны сразу умерло много людей, страдавших до этого сердечно-сосудистыми заболеваниями. Зато у остальной части населения значительно сократилось число обычных заболеваний простудных, желудочных и многих других очевидно, стрессовые ситуации раскрывают в человеческом организме скрытые ресурсы. Что касается отца, то он по состоянию здоровья долго воевать не смог, его просто отправили обратно в тыл. Мы встретились все вместе на Алтае, куда нас занесло после мыканья по разным местам. Война уже перевалила за тот рубеж, после которого стало ясно, что дело идет к победе. Пора было возвращаться домой.

Глава 1. Дворовая жизнь - игры и развлечения

Наша семья вернулась в Москву из эвакуации осенью 1943 года, к моему поступлению в школу. Двор, оставленный два года назад, был неузнаваем.

Двора как такового уже не было, так как не осталось ни одного из заборов, разделявших нас с тремя дворами других соседних домов. Они были снесены по приказу правительства Москвы, когда начались интенсивные бомбежки города, из соображений безопасности. Всё деревянное, включая сарайчики, ограды палисадников и столы со скамейками, - было сожжено в домашних "буржуйках" в первую же зиму. Остались лишь следы заборов, отдельные каменные столбы, а также линия перепада в уровнях земли между дворами. Позднее все это вновь было застроено, а пока глазу открывались бескрайние просторы объединенных в одно целое дворов. Очевидно, это обстоятельство способствовало развитию многих дворовых игр, требовавших больших пространств, главной из которых стал, конечно, футбол. К концу войны уже все семьи нашего, довольно большого, типичного московского дома вернулись из эвакуации, и постепенно образовалось то, что стало называться словом "наш двор". Дворовая жизнь была как бы продолжением другого стандарта советского городского существования -"коммуналки". Но если "коммуналка" представляла собой мир взаимоотношений взрослых, то двор был главным местом обитания детей и подростков. Здесь были

свои лидеры и их любимчики, подхалимаж и ябедничество, жестокий террор сильных по отношению к слабым, приоритет "блатных", а также лихих и ловких перед слабыми, неловкими и интеллигентными. Мат, "феня", наколки, фиксы, малокозырки, тельники, прохаря, чубчики, особая походка и манера сплевывать - все это было обычными атрибутами не только сирот-"огольцов" и профессиональных воров, а и простых пионеров-школьников из обычных семей. Исключение составляли дети, либо находившиеся под строгой опекой своих семей, либо те, кто были неспособны вписаться в жесткую дворовую жизнь по каким-то сугубо индивидуальным причинам. Они редко выходили во двор и не всегда принимали участие в массовых играх. Были даже и такие, кто выходил гулять только в сопровождении какой-нибудь неработающей бабушки или тетки, которая стояла незаметно (как ей казалось) в сторонке и следила, как бы ее чадо не обидели или не научили чему-нибудь дурному — скажем, курить или ругаться матом. Таких детей не любили, они, как правило, были объектом насмешек, причем иногда довольно жестоких. Выходили во двор главным образом для того, чтобы во что-нибудь

поиграть, отдохнуть от гнета школы и назиданий своих родителей. Игр и забав было великое множество. В некоторых играх участвовали только мальчишки, в некоторых - только девочки, но были и смешанные игры. Точно так же игры подразделялись и по возрасту между маленькими, средними и большими детьми. Дворовая жизнь сильно зависела от погоды и от времени года. Самым неприятным явлением природы был для нас дождь, который создавал слякоть и грязь во дворе. Когда начинался сильный дождь, ничего другого не оставалось, как только идти домой. А если дождь шел целый день, никто во двор не выходил. Иногда собирались в подъезде, но это было особое место в жизни двора. Там было чаще всего темно и страшновато, так как лампочки не горели. Если кто-то в подъезде и собирался, то это были более взрослые ребята, которые там курили, играли в "очко" или выясняли отношения, разводили "толковищу". Жильцам эти сборища в подъездах не нравились, поэтому нас оттуда гоняли. Так что в плохую погоду все сидели по домам, а в гости друг к другу дети особенно не ходили — это было не принято. Все жили скученно, главным образом в коммуналках, и лишние посетители только усложняли жизнь взрослых, так что домашние контакты не

поощрялись. У меня был в доме близкий друг с самого рождения, Боря Фаянс.

Его семья жила в отдельной квартире, на нашей же площадке. Там меня любили и все свободное от двора время я торчал у них. Но это было нетипично для того времени, да и отдельные квартиры были большой редкостью.

За годы, проведенные в семье Фаянсов, я приобщился к истинной еврейской среде, к особой городской еврейской субкультуре. Это была семья скромных и трудолюбивых людей, зарабатывавших на жизнь детской фотографией. Они были "частниками", фотографировавшими детей в школах и детских садах. Насколько я помню, они еле сводили концы с концами и вечно боялись всяких проверяющих органов, поскольку в СССР "частников" не любили и старались любыми методами изжить. В квартире Фаянсов вечно были какиенибудь застолья, на которые собирались их многочисленные родственники, такие же скромные и пугливые московские евреи — врачи, библиотекари, учителя. Я нередко сидел с ними за столом и вслушивался в эту необычную русскую речь с непередаваемым акцентом. Люди старшего поколения, бабушки и тетки, иногда разговаривали на идиш, и мне даже были понятны некоторые слова, поскольку в школе нам преподавали

немецкий язык. Но более молодые представители этой "мешпухи", включая моего друга Борю, идиша не знали и не стремились учить. Когда при мне рассказывают еврейские анекдоты, я про себя тихо улыбаюсь. Послушали бы они, как и о чем говорили между собой за столом простые московские евреи, часть из которых еще совсем недавно переехала из настоящих местечек... Это — горькое чувство юмора по поводу собственных невзгод, это особая трансформация русского языка в нечто новое. Одна бабушка Софья Соломоновна чего стоила. У нее был свой язык с какими-то новыми словами. Когда она хотела пожурить внучка Борю за что-нибудь, она называла его "дурнилкой". Я думаю, она помнила как о дореволюционных, так и махновских погромах. Благодаря времени, проведенному в детстве в семье Фаянсов, я не смог стать антисемитом.

Еще одно воспоминание, связанное с нашим подъездом, относится к признакам того времени. Лестничные клетки в нашем доме были необычные, потому что сам дом был в прошлом какой-то фабрикой, переделанной под огромное пятиэтажное жилье. Лестница шла в сердцевине здания и имела сложную

форму с ответвлениями и различными площадками на этажах. Двери в некоторые квартиры находились несколько в отдалении от основного марша, а другие были непосредственно на проходе. В одной из таких квартир, которую нельзя было обойти стороной, жила одинокая женщина с немецкой фамилией Гейнце. Она сошла с ума, когда ее мужа репрессировали и он пропал в ГУЛАГе. Очевидно, был расстрелян. Но родственникам сообщалось в таком случае, что он осужден на десять лет без права переписки. Сумасшествие этой женщины состояло лишь в том, что она не верила в гибель мужа и постоянно ждала его возвращения. Выйдя на лестничную площадку третьего этажа и стоя рядом с дверью своей квартиры, она подолгу прислушивалась к шагам внизу, к стуку двери подъезда. Она никогда не кричала, не плакала и ни с кем не заговаривала. С ней тоже никто не общался. Внешне она производила впечатление сумасшедшей старухи, с копной седых, растрепанных волос, хотя, скорее всего, была еще совсем не старой. Будучи младшим школьником, я боялся один идти домой, так как надо было пройти мимо нее. Я понимал, что физически она не опасна — не схватит, не закричит. Родители как-то невнятно объяснили мне, почему она стоит там,

стараясь смягчить ее образ. Но все равно идти мимо нее к себе на четвертый этаж было примерно тем же, что постоять рядом с привидением. Поэтому, если была возможность, мы ходили домой не поодиночке. Даже если Гейнце не было на площадке, все равно идти мимо ее квартиры было как-то тревожно. Здесь был не только страх, а и ощущение какого-то настоящего, безысходного горя. Когда я стал гораздо взрослее и преодолел детские страхи, ходить мимо этой несчастной женщины стало несколько легче, но каждый раз приходилось делать над собой усилие. Окончательно всем стало ясно, что с ней произошло, только после разоблачения культа личности Сталина и опубликования некоторых данных о репрессиях в нашей стране.

-- --

Произнося слово "двор", надо отличать разные смыслы этого понятия.
Прежде всего, под двором понималось некое замкнутое пространство, ограниченное зданиями, сараями и заборами, и соответствующее почтовому адресу. Но двором называлось и некая община, совокупность всех детей, живших в одном доме. Например, говорили: "Пошли в кино всем двором..", "Сыграем

двор-на-двор"... Каждый двор отличался своими размерами и конфигурацией, в зависимости от того, сколько корпусов и строений там находилось. Часто в типичных московских дворах было по нескольку различных площадок для игр, не считая всяких закутков. Все эти пространства назывались по-разному. У нас, например, был "передний" двор, ближний к подворотне, и "задний" двор, находившийся в глубине и граничивший забором с "задним" двором дома, относящегося к другому, параллельному переулку.

Каждый двор имел своего дворника и свою помойку. В идеале, двор должен был быть "глухим", то есть огороженным высокими заборами, через которые так просто не перелезешь. Это имело прямой смысл в деле защиты от мелких жуликов, которые шастали по дворам в поисках наживы в виде белья, сохнущего на веревках, и всего, что плохо лежит. Наведывались они и в квартиры, хотя в многонаселенных коммуналках украсть что-либо было непросто - все время кто-нибудь оставался дома. Если воришка попадался, убежать из глухого двора было непросто, так как был только один выход через подворотню. Но было немало и проходных дворов, через который жители всей округи, экономя время

и срезая пространство, ходили насквозь. Проходные дворы не были такими уютными, прохожие мешали детям играть в футбол и в другие широкомасштабные игры, да и вообще создавали неуют. Не зря выражение "проходной двор" стало нарицательным. К пространству двора обычно относилась и часть улицы с тротуаром, находившаяся напротив фасада дома и подворотни. Это было существенно, так как часть игр проходила перед домом на тротуаре и на мостовой. Заходить на соседнюю территорию не полагалось.

Игры были как невинные и безопасные, так и довольно рискованные, граничащие с уголовщиной. Прежде всего, хотелось бы припомнить совсем забытые дворовые игры на деньги. Одной из самых популярных здесь была расшибалка, или, как иногда ее звали -"расшиши" или даже "рашиши". Играть в нее мог только тот, у кого была наличная мелочь. Если ты, сэкономив от завтраков или выпросив у бабушки, выходил во двор с несколькими гривенниками, пятнашками или двугривенными монетами, чтобы сыграть в расшибалку, то была реальнейшая возможность моментально этого лишиться. А это были немалые деньги для школьника в послевоенные годы. Но ты мог и

выиграть, а значит получить возможность играть дальше. Если вдруг кто-то сразу выигрывал много, снимая весь кон, и хотел тут же уйти с деньгами, то чаще всего его просто так не отпускали, заставляя играть еще. Но это не было обязательным правилом, и если выигравший очень настаивал, его отпускали ведь все были свои, из одного двора. Игра эта требовала большой сноровки и особого типа ловкости и глазомера. Играли только на земле, причем только на сырой и утрамбованной поверхности, так как на асфальте возникало столько случайностей, что плохой игрок мог оказаться в выигрыше, а хороший проиграть, — как повезет. Весной с нетерпением ждали, когда сойдет снег и подсохнет хотя бы небольшой участок земли, пригодный для расшибалки. На земле чертилась глубокая прямая линия длиной метра полтора, которая называлась "чира". К ней в центре пририсовывался квадратик, размером примерно десять на десять сантиметров, под названием "казенка". В казенке размещался "кон", то есть стопка из монет, поставленных участниками этого захода, или этого кона. Смысл игры состоял в том, чтобы ударом битки перевернуть как можно больше монет, поставленных на кон. Все монеты клались

столбиком друг на друга, одной стороной вверх — скажем, "решкой". Если после удара монета переворачивалась вверх "орлом", то ударивший моментально забирал ее себе и продолжал бить до тех пор, пока очередная монета не оставалась после удара в прежнем положении. Таким образом, если тот, кто бил первым, ни разу не промахнулся, то он мог снять весь кон, а остальным участникам не предоставлялось даже возможности ударить. Но такое бывало редко, и право бить по монетам переходило по очереди ко всем игрокам. Если после того, как все играющие пробили, на земле еще оставались не перевернутые монеты, то били по второму разу в той же последовательности до тех пор, пока последняя монета не исчезала в чьем-нибудь кармане. Поэтому важнейшее значение имело то, кто бьет первым, кто вторым и т.д. Первая половина этой игры и была направлена на установление очередности - кто за кем. А происходило это так: после того, как расчерчивалась чира с казенкой, от нее отмерялось шагов десять и отчерчивалась вторая черта. Именно с этого места каждый из игравших бросал свою битку в сторону чиры, да так, чтобы обязательно забросить ее за чиру, но как можно ближе к ней. Идеальным был

бросок, когда битка ложилась на саму чиру. Это означало что такой игрок будет бить первым. Если же битка после броска оказывалась в "казенке", где стоял столбик из монет, то ловкач, попавший туда своей биткой, забирал весь кон, и игра начиналась снова. Но такое случалось не часто. Каждый, кто бросал свою битку, отчерчивал на земле место ее остановки. Очередность ударов по монетам зависела от соотношений этих черточек. Чья отметка оказывалась ближе к чире, тот и бил раньше. Последним бил тот, у кого битка улетела дальше всех. Для того, чтобы попасть в чиру, надо было кинуть битку очень тихо и осторожно. Здесь-то и заключалась вся острота игры - или пан, или пропал, — так как не добросивший битку до чиры автоматически исключался из данного кона, терял право на розыгрыш, и его монетка пропадала. Если в чиру попадали двое или трое, то они разыгрывали право первого удара уже между собой.

Когда очередность устанавливалась, все подходили к казенке, садились на корточки вокруг кона, и наступал волнующий момент. Все зависело от того, как первый бьющий ударит по столбику из монет. Если играющих было много, десять

или пятнадцать человек, то столбик был высоким и неустойчивым. Бить можно было только вертикально сверху. Часто бывало так, что после первого удара образовывалась так называемая "колбаса", когда столбик падал и монеты располагались на земле, лежа друг на друге в виде колбаски. Тот, кому предоставлялась возможность бить по "колбасе", мог перевернуть почти все монеты одним ударом, если сильно и точно ударить краешком битки по кромке нижней монеты. "Колбаса" переворачивалась, деньги забирались, оставалась только нижняя монетка. Но обычно каждый кон длился гораздо дольше, борьба велась за каждую монету. Чтобы перевернуть монету, лежащую на земле, одним ударом битки, требовалось особое мастерство, связанное с ощущением веса битки, а также с динамикой удара. Многое зависело от битки, и каждый предпочитал иметь свою и никому ее не давать.

Битки изготавливались разными способами. Наибольшей популярностью пользовались битки, сделанные из медных царских монет, больших и тяжелых. После войны они не были редкостью и ходили по рукам, добытые чаще всего из старых бабушкиных сундуков. Обычная плоская монета, как показала практика, не подходила для битки. Ее надо было

выгнуть определенным способом, чтобы она приняла форму чечевицы. Это делалось острой частью молотка, долго и кропотливо. Был и более грубый способ. Монету или металлический плоский кругляк подкладывали на трамвайный рельс и ждали, когда пройдет состав. Получалась расплющенная круглая вещь, из которой затем делали битку, подравнивая края и прогибая середину.

Расшибалка считалась азартной игрой и преследовалась милицией. Поэтому, когда начиналась игра, надо было все время оглядываться, чтобы успеть вовремя разбежаться, если появится участковый. Если, в порыве азарта, подходившего милиционера никто не замечал и он заставал всю компанию на месте преступления, то как минимум один из игроков попадал в отделение милиции. Там записывали его данные и, продержав некоторое время отпускали на руки родителей. Такое задержание называлось "привод". О приводе сообщалось в школу, в ФЗУ, в техникум и куда угодно. Накапливание приводов могло стать причиной того, что неисправимого нарушителя в конце концов отправляли в исправительно-трудовые заведения разной степени суровости, и на разные сроки. Все зависело от того, какая у него семья, кто родители и есть ли они

вообще. Азартные игры во дворе были, конечно, не самой главной причиной приводов, тем не менее, играя в "расшиши", мы всегда были начеку. Надо сказать, что в послевоенные годы на каждые несколько дворов был свой участковый, который ежедневно обходил свой участок, и не просто, а со знанием дела. Обычно, хороший участковый был прекрасно осведомлен обо всем, что происходит во дворах, он знал по именам главных "героев" и не боялся вступать в сложные взаимоотношения со шпаной, которая нередко уважала его. Другой азартной игрой в деньги был "пристенок", правила которого были просты. Играли у каменной стены. Первый игрок ударял своей монеткой по стенке так, что она отлетала и падала на землю или на асфальт на некотором отдалении. Следующий игрок делал то же самое, стараясь, чтобы его монета отскочила как можно ближе к первой. Если расстояние между лежащими монетами позволяло дотянуться до чужой монеты мизинцем, поставив на свою большой палец, то второй игрок забирал монету себе. Если нет, то в игру вступал следующий участник, у которого была возможность выиграть две лежащие монеты, и так далее. Монетка ударялась о стенку специальным приемом. Она зажималась

между большим и указательным пальцами, игрок прислонял тыльную сторону ладони к стене, фиксируя положение руки где-то на уровне плеча. Затем, не отрывая ладонь от стены, он резко ударял монету ребром о стену, одновременно отпуская пальцы. Она отскакивала, летя параллельно земле, и ни в коем случае не кувыркаясь. Только так можно было достичь планирования монеты, а значит точности ее попадания в нужное место и не укатывания от этого места далеко в сторону. Если бьющий умудрялся попасть своей монеткой в чужую, то он получал от ее владельца вдобавок еще одну монету. Пристенок был популярен, поскольку был предельно прост по своим правилам и не оставлял никаких следов и улик.

Давно забыта и такая игра как "жестка" или "пушок" — во всяком случае так ее называли в нашем дворе. Но, оказывается, в разных районах Москвы она имела разные названия, хотя смысл был один и тот же. Жестка представляла собой изделие из круглого кусочка меха с приделанным к нему грузом. Щечкой одной ноги жестка подбрасывалась вверх, и пока она опускалась вниз, играющий успевал переступить ногами, как бы сделать маленький шаг на месте, чтобы

повторить удар. Задача состояла в том, чтобы как можно дольше не дать жестке упасть на землю, после чего очередь переходила к следующему игроку. Количество подбрасываний, или ударов, запоминалось и суммировалось у каждого из играющих. Побеждал тот, кто первым набирал заранее установленное число ну, скажем, двести. Обычно за один раз средний игрок мог сделать пять-десять ударов, не больше. Жестка часто улетала в сторону по самым разным причинам: либо игрок терял равновесие, либо случайно бил по жестке пяткой или носком ботинка вместо середины щечки, прямо под самой косточкой. Кстати, когда жестка попадала своим свинцовым грузом по этой косточке, было страшно больно. В принципе, эта игра требовала от участников настоящих жонглерских качеств. И в каждом дворе были свои виртуозы, которые могли держать жестку в воздухе бесконечно. У каждого настоящего любителя этого занятия была своя личная жестка, которая изготавливалась самостоятельно. Из шубы, тулупа или любого мехового изделия, имевшегося дома, вырезался кусок лисы, цигейки, мерлушки... Естественно, без спроса и так, чтобы не было заметно, то есть из подвернутой части меха, ближе к подкладке. Из свинца на газу отливался груз

в форме круглой бляшки, в котором проделывались дырочки, как в пуговице. Груз, который иногда заворачивали в материю, пришивался к меховому кружочку снизу, к мездре. Мех был сверху. Стабильность полета жестки во многом зависела от того, как точно она была сделана. Если груз был пришит не совсем по центру, жестка виляла при падении. Большие размеры и доброкачественность мехового кружка способствовали тому, что жестка, опускаясь, расправлялась и замедляла падение, как парашют. А это намного облегчало безошибочность следующего удара. Если с расшибалкой и с пристеночком боролись участковые милиционеры, то с игрой в жестку вели беспощадную борьбу учителя и наиболее активные из родителей. Во-первых, жестка почему-то считалась игрой, недостойной пионеров и комсомольцев, а присущей только шпане, хулиганам, уркам. Это был главный аргумент, но когда он не действовал, приводились запугивающие данные о том, что, якобы, длительное увлечение жесткой неизбежно приводит к грыже. В нашем дворе случаев с грыжей мы не наблюдали, но утверждать, что эти слухи были чистой выдумкой, не берусь.

Из массовых летних игр, связанных с беготней, поисками и погонями,

прежде всего вспоминаются "салочки", "колдунчики", "пряталки" (или "прятки"), "двенадцать палочек" и "казакиразбойники". Пряталки во дворе были расширенным вариантом малышовых домашних пряток. В данном случае оговаривались границы, за которые убегать и прятаться запрещалось, иначе игра теряла смысл. Сперва "сговаривались", то есть определяли, кто будет "водить". Для этого существовало множество "считалок", но одна из них, пришедшая, очевидно, из дореволюционных времен, употреблялась чаще всего -"На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, — кто ты такой?". Все становились в круг и считающий с каждым словом переводил палец на следующего из стоящих в нем. Тот, на ком останавливалась считалка, должен был, не задумываясь выбрать один из перечисленных персонажей — скажем, "сапожник". Считалка повторялась вновь, начиная с выбиравшего, и тот, на кого падало выбранное слово, должен был "водить", то есть искать всех остальных. Были считалки и на тарабарском детском языке, типа: "Эни, бэни, раба, квинтер, финтер, жаба...", а то и с каким-то местечковым оттенком: "Дора, Дора - помидора, мы в саду поймали вора, стали

думать и гадать, как бы вора наказать, мы связали руки-ноги, и пустили по дороге, вор шел, шел, шел, и корзиночку нашел, в этой маленькой корзинке есть помада и духи, ленты, кружева, ботинки, что угодно для души...."

"Водящий" становился лицом к стене или к дереву на открытом пространстве, желательно в центре двора, и начинал вслух считать до определенного числа — скажем, до пятидесяти, после чего громко произносил фразу: "Я иду искать, кто не спрятался - я не виноват". За время счета все остальные прятались кто куда на территории двора. "Водящий" начинал поиск, все больше удаляясь от того места, где он стоял, ведя отсчет. Его задача состояла в том, чтобы не просто найти, но и "застукать" кого-нибудь. Застукивание состояло в том, что "водящий", увидев кого-либо из прятавшихся, громко выкрикивал его имя и бежал к точке своего "вождения", чтобы стуком рукой по стене или дереву зафиксировать факт обнаружения. Когда "водящий" удалялся достаточно далеко от своего заветного места, кто-нибудь из прятавшихся, выскочив из укрытия, мчался к нему и старался "застукать" сам себя, чтобы выйти из игры. Иногда "водящий", увидев его в этот момент тоже

бросался бежать и прибегал раньше. Здесь все решал глазомер и умение быстро бегать. Игра заканчивалась, когда из нее выходили все участники, и в следующем коне "водить" был должен тот, кого "застукали" первым. Если "водящий" был нерасторопным и медлительным, ему приходилось выполнять эту задачу по нескольку конов подряд, так как все играющие "застукивали" сами себя. Просто так прервать игру и уйти домой, не доиграв, не поймав кого-нибудь, "водящий" не имел права, его не отпускали, доводя иногда до слез.

Еще более жестким вариантом пряталок была игра под названием "двенадцать палочек". В нее играли обычно дети одного возраста, одного физического уровня, поскольку более слабого могли "заводить" до бесконечности. В самом центре двора ставилось устройство, состоявшее из небольшой доски, под которую подкладывался камень, образовывая как бы качели, но с неравными плечами, небольшую катапульту. На длинное плечо доски, лежащее на земле, аккуратно складывались стопкой двенадцать небольших палочек. Перед началом, как обычно, выбирался "водящий". Игра начиналась с того, что все становились вокруг доски, а кто-то из участников "разбивал",

то есть сильно бил ногой по верхнему короткому концу доски-катапульты.

Разбивание считалось правильным только в случае удара ногой сверху, неловкий боковой удар приводил к тому, что палочки не летели, а соскальзывали на землю, частично оставаясь на доске. В таком случае считалось, что разбивавший "насрал", и он наказывался тем, что должен был "водить". При хорошем ударе палочки подскакивали высоко вверх и разлетались в разные стороны, все играющие разбегались прятаться, а "водящий" начинал их спешно собирать. Как только он находил все двенадцать палочек, он снова клал доску на место и располагал их на ней, как было в начале. С этого момента он имел право искать спрятавшихся. При разбивании палочек у "водящего" был один шанс. Если он умудрялся поймать одну из взлетевших палочек, он называл кого-либо из участников, делая его "водящим". Процедура повторялась заново. Окончательный "водящий" начинал искать, постепенно удаляясь от доски с палочками. Если он замечал кого-нибудь и правильно называл имя, он подбегал к доске и "застукивал" его, легко прикасаясь к ней ногой. Пойманные выходили и становились у доски, ожидая, что же будет дальше. Первый из них был

кандидатом "водить" в следующем коне. Но в этой игре существовала возможность "выручить" пойманных, и каждый из спрятавшихся старался сделать это. Когда "водящий" отходил слишком далеко от доски, кто-нибудь из играющих выскакивал из укромного уголка и мчался к ней. Если он добегал до цели раньше, чем "водящий", он разбивал палочки и все, включая застуканных, разбегались кто куда, стараясь спрятаться, пока "водящий" не соберет палочки. Если в момент такого разбивания "водящий" успевал подбежать и поймать одну палочку, его место занимал герой, старавшийся всех спасти. Выиграть в эту игру, то есть перестать "водить", было крайне трудно, каждый кон мог длиться часами, так как кто-нибудь да разбивал палочки, выручая всех застуканных. Игра требовала большой ловкости и развивала настоящее чувство коллективизма и взаимовыручки, и другие хорошие человеческие качества, о которых столько пелось в пионерских песнях. Крайне азартной массовой игрой были "казакиразбойники", правила которой не были фиксированными и отличались друг от друга в зависимости от условий местности, типа дворов и районов города. Но суть была одинаковой:

играющие делились на две группировки, одна из которых - "разбойники" убегали, а другая - "казаки" - их ловили, причем ловили натурально, а не так, как в прятки. Здесь уже требовалась физическая сила, и поэтому, в отличие от пряток и двенадцати палочек, в казаки-разбойники играли лишь парни, девочек старались не брать. "Разбойникам" предоставлялось небольшое время, чтобы убежать, и затем начиналась ловля. Одним из ограничений в этой игре были границы, за которые нельзя было заходить. Мы, например, играли в прямоугольнике, ограниченном Новослободской улицей, Сущевским валом, Тихвинской улицей и Палихой. При этом допускалось пользоваться теми видами транспорта, которые там ходили, то есть трамваями и троллейбусами. Обычно и та и другая команды разделялись на более мелкие группы. Пойманных приводили во двор и охраняли до тех пор, пока не переловят всех. Игра эта требовала от участников не только умения быстро бегать, а хитрости и тактического мышления. Но особое удальство проявлялось в тех случаях, когда использовались средства общественного транспорта, в первую очередь трамвай. В послевоенные времена все трамвайные вагоны в Москве были с открытыми

площадками, с подножками, буферами. Лишь в позднее, к концу 50-х, они были заменены вагонами новой конструкции, с пневматически закрывающимися дверями, и безо всяких подножек. А тогда для мальчишек подножка трамвая была излюбленным местом игр и развлечений. Вопервых, езда на подножке или на буфере была бесплатной. Билетер находился внутри вагона, у задней двери и не всегда мог добраться до безбилетника из-за переполненности вагона. Но если вагон не был набит битком, и билетер замечал висящего на подножке, он пытался затащить его вовнутрь и получить с него деньги за проезд, а если таковых не оказывалось, - сдать милиционеру на одной из остановок. Для этого у него имелся свисток. Нередко к задержанию таких нарушителей присоединялись и некоторые пассажиры. Так что тем, кто любил проводить время, катаясь на подножках трамвая, надо было уметь соскакивать на ходу. Иногда это приходилось делать на полной скорости. Здесь была разработана не одна техника. Самое простое - это было прыгнуть, глядя вперед по ходу трамвая, как можно сильнее оттолкнувшись, чтобы погасить часть скорости. При этом надо было предельно отклониться назад и стараться приземлиться на

полусогнутые ноги. Как только ступни касались мчащейся земли, ты получал ощутимый удар и тело сразу опрокидывало вперед. Чтобы удержаться от падения, надо было успеть сделать несколько мелких шагов и затормозить любым способом. Был и другой прием, который сам я пробовал, только на небольшой скорости - это спрыгнуть с подножки спиной вперед, сильно наклонившись и выставив по ходу вытянутую левую ногу. Я бы и не поверил, что это возможно, пока не увидел своими глазами, как взрослый мужик сошел таким образом с трамвая между остановками, на большой скорости. Он просто встал как вкопанный и спокойно пошел в сторону. Не менее опасным и сложным было вскакивание на ходу как на подножку, так и на буфер, называемый еще и "колбасой". Вообще-то, катание на трамваях тогда было делом особого пижонства, многие из детей просто боялись покалечиться или попасть в милицию, которая, надо сказать, рьяно боролась с этим увлечением. И не напрасно, так как трамвайный травматизм был довольно заметным. Во дворах было немало детей-калек, потерявших ногу или руку под трамваем. Я сам был близок к несчастному случаю, когда, спеша в кино на просмотр недавно

вышедшего кинофильма "Новые похождения бравого солдата Швейка", пытался вскочить на ходу на подножку уже тронувшегося трамвая и поскользнулся. Дело было зимой. Руками я держался за поручни, а ноги волочились по снегу. Трамвай набирал скорость, пальцы стали сползать все ниже, тело начало заносить под вагон, все ближе к рельсу. Если бы так дальше продолжалось, то я мог сорваться прямо под колеса, но тут одна дамочка из вагона увидела меня и завопила страшным голосом, кондуктор нажал на тормоза, и меня сдали прямо на руки милиционеру. Так как я был страшно напуган и обещал больше так никогда не делать, меня отпустили. Ни на какого "Швейка" я уже не пошел, тем более, что видел его много раз. Кроме катания на подножках, трамвай привлекал нас еще возможностью подкладывания на рельсы различных предметов, и наблюдения, что же будет. Во время войны на склады завода "Станколит", находившегося неподалеку от нас, свозилась в огромном количестве покалеченная техника, как наша, так и фашистская - танки, пушки, самолеты, бронетранспортеры и многое другое. Они сваливались на огромном дворе в беспорядке, друг на друга, образуя

чудовищный металлический лабиринт в несколько этажей. Все это шло на переплавку. Для ребят всего района это было притягательным местом, поскольку там можно было найти самые удивительные вещи: нерасстрелянные гильзы, патроны и снаряды, приборы неизвестного назначения, подшипники и различные металлические детали. Иногда могло посчастливиться, и в полусгоревшем танке находился пистолет, но это были скорее легенды. Ходить туда поодиночке или даже небольшими группами было опасно - там постоянно обитала настоящая бездомная шпана, с которой лучше было не сталкиваться. Поэтому ходили только "кодлой", всем двором, тогда никто не трогал. Каждый набирал там все, что находил и мог унести, и потом все вместе уходили. Небольшие гильзы и даже патроны мы любили подкладывать на рельсы трамвая, на Тихвинской улице. Клали их обычно на равном расстоянии друг от друга так, что, когда трамвай, идущий на полной скорости, проезжал по ним, создавалось полное впечатление пулеметной очереди. Позднее, когда в охотничьих магазинах стали продаваться маленькие металлические пистоны в коробках, мы использовали и их в тех же целях. Кроме того, на рельсах получались замечательные битки для игры в

расшибалку.

Большие гильзы от крупнокалиберных снарядов использовали другим образом. Брали две гильзы и одну, большего диаметра, зарывали вертикально в землю посредине двора так, что только верхушка торчала снаружи. Набивали ее до отказа целлулоидной кинопленкой. Затем пленка поджигалась и сразу же в отверстие гильзы вставлялась другая гильза, меньшего диаметра, по которой со страшной силой били огромным камнем, так, чтобы забить ее в нижнюю гильзу. После этого все разбегались и прятались за углы домов. Целлулоид, как известно, горит очень быстро и активно, почти как порох. Через некоторое время, когда давление газов в гильзе достигало предела, раздавался хлопок и верхняя гильза выстреливала вверх. Иногда она улетала так далеко, что падала где-то в соседнем дворе, и найти ее потом было сложно. Эффект от этой забавы был очень кратким, хотя требовал длительной подготовки. Тем не менее, само ощущение произведенного выстрела вызывало какой-то необъяснимую радость, восторг имитации настоящей войны. Вообще, все, что "жахало", было крайне привлекательным. Поэтому процветало самодельное производство различных

"жахалок" и так называемых "поджигов". Жахалка делалась из ключа и гвоздя, соединенных между собой куском веревки длиной сантиметров в восемьдесят. В отверстие ключа набивалась сера, соскобленная со спичек. Количество серы зависело от размеров отверстия ключа, но чаще всего на это уходило восемь-десять спичек. После того, как дырка забивалась серой больше чем наполовину, туда вставлялся гвоздь, приблизительно того же диаметра. Веревка, привязанная одним концом к шляпке гвоздя, а другим - к колечку ключа, складывалась пополам. После этого оставалось, взяв в правую руку сгиб веревки, и держа в левой ключ со вставленным туда гвоздем, сильно размахнуться и ударить шляпкой гвоздя об стену. Гвоздь срабатывал как боек, сера взрывалась, раздавался страшный, как нам казалось, грохот. Девочки, а также некоторые взрослые жильцы дома или прохожие пугались, что, собственно, и было нужно. Взрыв получался отнюдь не всегда с первого раза, требовалась особая сноровка для того, чтобы попасть по стене именно шляпкой гвоздя и, вдобавок, вертикально. Иначе, вместо взрыва раздавался легкий лязг, гвоздь выскакивал, сера рассыпалась, и все надо было готовить заново. Забава эта

была достаточно безобидной, но не совсем безопасной, так как иногда ключ могло разорвать, а гвоздь после взрыва отскакивал в сторону со скоростью пули и мог, сорвавшись с веревки, поранить кого-нибудь. У нас дома было довольно много старинной бабушкиной мебели, обычного московского "бидермайера" - комод с кучей ящиков, платяные шкафы, этажерка, аптечка. Все это полагалось запирать на замок, но, естественно, никогда не запиралось прятать было ничего и не от кого. Но в бауле, предназначенном для инструментов, гвоздей, шурупов, кусков проволоки, шпагата, канифоли и других необходимых в хозяйстве вещей, хранились и ключи ко всем мебельным замкам. Надо сказать, что дореволюционные ключи, выпускавшиеся даже к недорогой мебели, были очень красивыми. Их делали из хорошо обработанного металла, колечко иногда имело декоративную форму. И я уже тогда понимал это. Но когда все мальчишки во дворе увлеклись жаханьем, я, в тайне от родителей и бабушки, стал брать ключи из баула, тем более, что ими никто не пользовался. После нескольких жаханий ключ не выдерживал и разрывался. Так я постепенно изуродовал практически все ключи от нашей мебели.

Гораздо более опасным, если не сказать криминальным, было увлечение "поджигами", представлявшими собой самодельные пистолеты по типу первых средневековых. Рукоятка выпиливалась из дерева, на нее прикреплялось дуло, изготовленное из медной или латунной трубки небольшого диаметра. В дуле запаивалась задняя дырочка, а рядом, сбоку, пропиливалось небольшое отверстие для поджигания пороха, который предварительно туда набивался. В качестве пули служили любые кусочки металла, соответствующие диаметру трубки-дула, дробинки, обрезки проволоки, капли свинца. Приготовленный к стрельбе поджиг брался в одну руку, а другой надо было поджечь запал, вставленный в боковое отверстие трубки. Запалом часто служила спичечная головка, по которой чиркали коробком. Пламя попадало в трубку, порох воспламенялся и заряд вылетал как из настоящего нагана. Я было тоже увлекся изготовлением поджига, но меня остановило сознание того, что я должен буду во что-то или в кого-то стрелять, а это в мои намерения, как выяснилось, не входило. Кроме того, стреляние из поджига оказалось делом крайне опасным — практически в каждом дворе появились первые жертвы, в основном среди тех, кто стрелял. Так как

поджиг являлся имитацией настоящего оружия, то стрелять из него, не целясь, отворачиваясь в сторону или зажмуривая глаза, было недостойным. Поэтому стрелявший, как правило, делал вид, что целится и глаз не отводил. А поджиги довольно часто взрывались прямо в руках у их владельцев по простой причине отсутствия расчетов соответствия толщины трубки и мощности заряда. Все делалось на глаз, а в результате страдали в первую очередь глаза. Полуслепые мальчишки с синими пятнышками въевшегося пороха на лице были не редкостью в те послевоенные годы. Иногда, при большой силе разрыва трубки, могло и покалечить руку, оторвав одну-две фаланги от пальцев. Когда я был уже в классе седьмом, мне подвернулся случай дешево выменять самодельный металлический пистолетик, похожий на настоящий. Патроны к нему отсутствовали, калибр неизвестен. Успокоенный тем, что теперь я вооружен, я нашел в квартире тайник, куда надежно спрятал его. Характерно, что я случайно вспомнил о его существовании через много лет, когда стал взрослым и учился в институте. Заглянув в тайник, я там ничего не обнаружил. Кто и когда его изъял, я так и не узнал. Либо соседи, либо мои родители наткнулись

на него, но никто не подал вида. Среди невинных дворовых игр, сохранивших народные, деревенские традиции, были "чиж", лапта простая и лапта круговая. Для простой лапты требовалось значительное пространство и поэтому в нее можно было играть только на большом дворе. Там, где пространство было ограниченным, играли в лапту круговую, когда одна команда становилась внутрь начерченного круга, а другая располагалась по его окружности. Была очень популярна игра в "штандер", типично городская, судя по явно немецкому происхождению самого названия. Назначался водящий, кто-то из игравших как можно выше бросал вертикально вверх мячик, и пока он опускался, все разбегались в разные стороны. Водящий должен был поймать мячик, и лишь после этого крикнуть слово "штандер!". Все разбегавшиеся должны были немедленно застыть в тех позах, в каких их застал крик водящего, который по своему усмотрению выбирал жертву. В нее он должен был попасть мячом со своего места, не приближаясь к ней. Попасть было не легко, так как иногда играющие успевали отбежать довольно далеко от водящего и застывали на приличном от него расстоянии, особенно, если он ловил мяч не сразу, а уронив

его на землю. В случае попадания водящим становился тот, в кого попали мячом. В штандер обычно играли вместе мальчики и девочки средних и старших классов, то есть того возраста, когда начиналась детская влюбленность, и когда свои чувства можно было показать лишь при помощи невинного намека, бросая мяч в того, кто тебе нравился. Вообще многие совместные игры использовались для демонстрации своей ловкости перед противоположным полом. У нас во дворе даже в традиционно девчоночной игре в "скакалки" через веревочку участвовали и парни, лишь бы пообщаться с девочками. Среди мальчиков победить, выиграть, выручить когонибудь в игре - имело не только чисто спортивный смысл, в гораздо большей степени стимулом здесь было желание выделиться, "пофикстулить" перед девочками. И сделать это было нелегко, так как конкуренция была очень большой. Несмотря на то, что девочек во дворе было предостаточно, всем нравилась почему-то одна или две, и за их-то признание и велась постоянная борьба. Так как девочки физически развиваются обычно несколько раньше мальчиков, то они попадали в поле внимания не только своих сверстников, а и ребят более старшего возраста. Вот

и приходилось соревноваться со "лбами" в силе, скорости и ловкости, чтобы тебя тоже заметила та, кто вызывала смутные и незнакомые чувства, зарождавшиеся в организме под неотвратимым воздействием гормональных процессов. Были и другие игры, в которых можно было как-то проявить свои предпочтения - например - "садовник", с дурацкой присказкой: "Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели кроме...." и тут назывался цветок, под именем которого скрывался тот, кто интересовал говорящего, а тот, в свою очередь, становясь "садовником", повторял все с начала, обнаруживая свой любимый цветок. Но к этой игре, так же, как к аналогичной игре в "фанты", всерьез не относились, по-настоящему завоевать симпатию можно было только ведя постоянную борьбу за лидерство во дворе, если не абсолютное, то хотя бы в чем-то.

В последний год войны и сразу после ее окончания в Москве появились пленные немцы. Сперва их колоннами проводили по главным улицам города, демонстрируя москвичам поверженного врага. Я помню такие колонны на Новослободской улице. Люди выходили из домов, сбегались из соседних

переулков и стояли, молча разглядывая бесконечно идущий строй немецких солдат и офицеров, мрачных и оборванных. Насколько мне не изменяет память, я не видел проявления гнева и ненависти со стороны тех, кто стоял по бокам улицы. Не было гневных выкриков или попыток подбежать и ударить немца, хотя практически все семьи так или иначе пострадали от войны. Наш народ мрачно, а может быть, даже и с долей сочувствия разглядывал тех, кто еще недавно представали в сознании не иначе как фашистские изверги. Позднее пленные стали появляться уже во дворах в качестве рабочей силы на различных строительных и ремонтных работах. Когда в нашем дворе проводили какие-то подземные трубы, то траншеи для них копали немцы. Это была команда из двух-трех пленных под охраной одного автоматчика. Мы подходили к краю глубокой ямы и смотрели, как в зоопарке, на тех, кого раньше показывали только в кино, в исполнении наших актеров. И вот однажды, когда я разглядывал раздетого по пояс немца, орудовавшего лопатой в траншее, он вдруг обратился ко мне и жестами показал, что хочет есть и предлагает обменять на еду колечко, которое он вынул из кармана и показал мне. Мне было

тогда лет десять, но романтические замашки уже проявлялись вовсю, и перспектива хвастануть перед ребятами двора кольцом на руке представлялась заманчивой. Кольцо, явно сделанное из медной трубы и отполированное до золотого блеска, имело еще и красный камешек — он же обработанный кусочек пластмассы. Мне страшно захотелось ходить с таким кольцом на пальце, вызывая восторг и зависть как девочек, так и мальчишек. Я срочно побежал домой. Родители были на работе, дома была только бабушка, которая мне ни в чем не отказывала. Но тут и отказывать было не в чем, потому что я ни слова ей не сказал про немца и кольцо, а просто заявил, что хочу есть и попросил какой-нибудь бутерброд. Получив его, я спустился во двор и выменял на кольцо. В глубине души я сознавал, что ношение кольца в моем возрасте вещь преждевременная, а уж с точки зрения моих родителей - и подавно. Поэтому я решил кольцо им не показывать, а носить его только во дворе. Но произошло неожиданное. После того, как я примерил кольцо на один из пальцев, выяснилось, что оно не снимается. Палец моментально отек, стал толстым и начал как-то подозрительно пульсировать. К горлу подкатил комок ужаса, я

понял, что палец, очевидно, придется отрезать. Дождавшись прихода отца с работы и подавив уже ненужное чувство стыда, я в ужасе показал ему свою руку с распухшим пальцем. Он, даже не ругая меня, быстро достал из инструментального баула большие кусачки, перекусил кольцо, разогнул его и выбросил в помойное ведро. Все оказалось так просто, но после этого мое доверие к взрослым значительно укрепилось.

Вспоминая о нравах во взаимоотношениях полов в послевоенном дворе, я могу с полной ответственностью сказать, что они были исключительно чистыми и девственными, причем настолько, что сейчас это даже невозможно себе представить. Причинами этого были сохранившиеся со старых времен лучшие традиции русской деревни — с одной стороны, и крайне пуританская в отношении секса советская мораль, жестко навязывавшаяся детям начиная с детского сада и кончая парткомом. В результате взрослое население Советского Союза в те времена мало чем отличалось от детей по степени информированности и свободы поведения в сексуальной сфере. В дворовой жизни это проявлялось

прежде всего в крайней стеснительности при обнаружении своих чувств. Если мальчик и девочка начинали проявлять взаимную симпатию друг к другу, и это становилось явным для других, то они подвергались жестоким насмешкам, их начинали дразнить, и самым обидным было то, когда их при всех называли "жених и невеста" (дразнилка начиналась со слов "тили-тили-тесто...) или "кавалер и барышня". Слышать такое в свой адрес было просто невыносимо, поэтому нередко "парочки" распадались, будучи задразненными до предела. Дразнящими двигала не столько высокая мораль, сколько низкие чувства зависти, как со стороны девочек, так и мальчиков. Первыми чаще замыкались девочки, и "роман" прекращался, так и не начавшись. А если он все-таки продолжался, то его пределом были совместные прогулки по удаленной от двора улице "под-ручку», а также посещения кинотеатра, где в темноте она разрешала обнять себя за плечо, не отталкивая при этом руку, и не говоря: "Пусти, дурак ненормальный". О прикосновении к другим частям тела не могло быть и речи, да и не имело такого значения. В том возрасте весь "роман" имел лишь символический, знаковый смысл. Физиология приобрела свою власть несколько

позднее. Поэтому, добившись "успеха" на уровне хождения "под-ручку", кавалер успокаивался и постепенно переключался на новый объект, "любовь" кончалась. Я испытал это на своем опыте, когда после длительной и успешной борьбы за расположение одной из девочек, привлекавших внимание многих ребят во дворе, я вдруг ощутил полное равнодушие к ней. Меня испугало это чувство пустоты, отсутствие влюбленности. Я не мог объяснить себе причину произошедшего, но девочку эту стал избегать, чувствуя какую-то вину перед ней. А она, наверное, так и не поняла, в чем дело. Но вернемся к невинным детским развлечениям и вспомним о двух разновидностях игры в "ножички". Одна называлась игрой "в войну" и происходила на земле, внутри очерченного круга. Пространство круга делилось на равные сектора по числу участников. Пространство каждого сектора было как бы государством, а играющий, стоявший на нем, - чем-то вроде короля. Первым начинал игрок, определенный при помощи считалки. Он бросал свой ножик так, чтобы тот воткнулся на чужой территории, после чего от нее отрезался кусок, присоединявшийся к государству играющего. После удачного броска он снова

получал право на повторную попытку, и так до тех пор, пока не происходил сбой в броске, и ножик падал на землю, не воткнувшись. При удачных бросках территория противника становилась все меньше и меньше, но минимальным ее размером, позволявшим считаться самостоятельным государством, был такой, чтобы на этом участке его хозяин мог стоять хотя бы на одной ноге.

Преимуществом такого крохотного участка было то, что попасть в него ножом было нелегко. Результатом игры был полный захват всего круга кем-то одним из играющих. Другая игра в ножички происходила не на жесткой земле, а на кучке песка или взрыхленной земли. Играющие садились или становились на колени вокруг такой кучки, и по очереди выполняли необходимый набор упражнений, требовавших большого жонглерского мастерства. Стоя на коленях, надо было, чтобы ножик, поставленный острым кончиком на одну из частей тела, сделав оборот в 180 градусов, вошел вертикально в кучку песка. Такие броски назывались соответственно - "с плеча", "с подбородка", "с носа", "со лба", "с пальчиков" и т.д. Затем шли такие броски, как "рюмочка" и "вилочка" и целый ряд более сложных комбинаций, типа "с ладони" или "за кончик".

Заканчивалась серия броском под названием "роспись", когда игравший вставал на ноги и бросал нож, держа его за кончик, так, чтобы он вошел в кучку, сделав пол-оборота.

Типично мужские, атлетические игры отличались жесткостью более сильных по отношению к слабым. Если ты хотел играть вместе со всеми, то тебе не делали никаких скидок — таков был закон двора. В этом смысле типичными были такие игры, как в "козла", в "отмирного" или в "слона". Практически, игра в "отмирного" (на самом деле - в отмерного, от слова "отмерять") была усложненной разновидностью обычного "козла". Водящий, он же "козел", становился, наклонившись и упираясь руками в колени, а все остальные должны были перепрыгивать через него. С каждым новым заходом "козел" отодвигался все дальше от черты, заступать за которую не разрешалось. Если "козел" стоял, скажем, в метре от черты, то, чтобы перепрыгнуть через него, нужно было разбежаться, оттолкнуться двумя ногами и, пролетев "рыбкой", оттолкнуться от спины "козла" руками и перескочить через него. Если у перепрыгивающего не хватало сил и он садился на "козла" или даже просто

задевал его задним местом (что называлось "огулять козла"), то он наказывался и становился сам на место "козла". Если все играющие совершали свой прыжок без ошибок, то задача усложнялась и "козел" отодвигался еще дальше от черты. Тогда его перепрыгивали с помощью одного промежуточного толчка, затем двух, трех и так далее. Здесь уже вступала в действие техника легкоатлетического тройного прыжка, о котором тогда еще никто не знал. Для того, чтобы перепрыгнуть "козла" с нескольких прыжков, приходилось делать мощный и длинный разбег, и ни в коем случае не заступать за черту, иначе встанешь на место "козла". Когда игра доходила до больших расстояний и скоростей при разгоне, на спину "козла" обрушивались страшные динамические нагрузки, водить становилось все страшнее и неприятнее. Но у "козла" была возможность освободиться, не дожидаясь, пока кто-нибудь не оплошает. Например, если все участники прыгали через него после четырех шагов, он мог попытаться решить эту задачу, используя лишь три шага. Для проверки на его место ставили одного из участников, а сам "козел" делал свою попытку, и если она получалась, игра начиналась сначала. Это называлось "доказать". Если

"козел" не "доказывал", он вновь становился на свое место.

Игра в "слона" была скорее силовой забавой, бессмысленной и юморной.

Состояла она в том, что кто-то наиболее высокий и сильный становился лицом к дереву или к стене, крепко ухватившись за чтонибудь руками. На него с разбегу вспрыгивал следующий, стараясь повиснуть как можно выше от земли, и держась не столько за его шею, сколько за дерево или выступы стены. Затем по очереди все мальчишки двора запрыгивали на предыдущих, образуя нечто, напоминающее осиное гнездо. Когда нижние, не выдерживая увеличивающегося веса, сползали на землю и становились новыми элементами фундамента, то сооружение начинало все более напоминать фигуру слона, на которого старались запрыгнуть все новые и новые участники. Иногда "слон" получался довольно устойчивым и держался некоторое время, пока те, кто был внизу не начинали задыхаться. Но часто "слон" разваливался в критический момент, и тогда образовывалось самое страшное, что можно вспомнить из дворовой жизни - это так называемая "куча-мала". Мне приходилось оказываться на дне такой кучи. Это оставило неизгладимые ощущения реального страха смерти, когда ты

начинаешь терять сознание и задыхаться под тяжестью навалившейся на тебя массы тел. При этом грудная клетка сдавлена так, что нет возможности не только закричать, а просто издать писк. Да если даже и заорать во всю глотку, то никто тебя не услышит, поскольку когда образуется куча-мала, вопят все, включая тех, кто наверху. Кроме постоянных дворовых игр были и временные, игры-поветрия, возникавшие после выхода на экраны какогонибудь фильма и забывавшиеся с выходом другого. Например, показ "трофейного" американского фильма "Три мушкетера" привел к массовым сражениям на шпагах. Причем сражались, напевая замечательные мелодии Дмитрия Темкина из этого фильма, песню Д'Артаньяна -"Вара-вара-вара-вара...", или песню мушкетеров - "Мы все мушкетеры короля, о нас поет вся Земля..." Музыка была настолько яркой, что запоминалась с первого раза буквально всеми. Ну а смотрели мы все эти фильмы по многу раз, изучая все детали происходящего, чтобы потом поточнее воспроизвести это, играя во дворе. Фильм "Александр Невский" добавил к обычным шпагам латы, шлемы и мечи. Все это изготавливалось самостоятельно,

дома, с использованием пил, рубанков, ножей и стамесок. Никакие родители не помогали, поскольку они боялись этих игр, во время которых дети получали серьезные травмы. Для меня, как и для всех, кто играл в мушкетеров и рыцарей, изготовление необходимой амуниции оказалось очень полезным делом, пригодившимся и во взрослой жизни - я волейневолей научился делать многое своими руками. После мечей и щитов пришлось изготавливать самокаты, а позже - клюшки для игры в канадский хоккей: в магазинах ничего подобного не продавали. Когда в кинотеатрах начался показ серий фильма "Тарзан", началось поветрие игры в Тарзана. Наиболее яркие кадры фильма, когда Тарзан лихо передвигается по джунглям, перелетая с лианы на лиану, не могли оставить равнодушными наиболее ловких и фанатичных последователей полюбившегося героя. Во дворах сооружались веревочные "лианы", на которых можно было раскачиваться и перелетать с одного сарая на другой. Ну, а какой перелет без того загадочного гортанного крика, который так часто издавал Тарзан в фильме. Многие пытались имитировать этот звук, но удавалось такое лишь в редких случаях. Обычно такие попытки кончались временным срывом голосовых

связок. Поэтому в период увлечения Тарзаном в школе нередко бывали случаи, когда вызванный к доске ученик, вместо ответа на заданный вопрос разводил руками и пытался что-то объяснить, хрипя или шипя. Класс смеялся, а учитель, ничего не понимая, ставил двойку и сажал "Тарзана" на место. Фильм "Знак Зорро" принес во двор увлечение искусством метания ножа. Для этого обычные складные перочинные ножи не подходили, так как от удара о дерево или доску они складывались, рукоятка была слишком тяжелой и быстро ломалась. Поэтому стали доставать ножи типа "финка", не складные, с длинным тяжелым лезвием. В блатной среде они были не редкостью, хотя и считались запрещенным видом холодного оружия. У меня тоже был подобный нож, выменянный на что-то, и я постоянно тренировался во дворе, пытаясь вонзать его с большого расстояния в стенку сарая. Фильмы "Иван Никулин - русский матрос", "Малахов Курган", "Мы из Крондштадта" внесли моду на морской пафос, и, играя в войну, мы нередко использовали наиболее полюбившиеся эпизоды оттуда.

Огромную роль в жизни двора играли различные небольшие постройки, главным образом сараи. Сожженные в первые годы войны, они довольно скоро

были построены заново, в основном между домами и на границе между дворами. Сарай всегда был поводом, чтобы туда залезть, а потом спрыгнуть. Иногда сарай использовался как способ оторваться от преследования, когда тот, за кем гнались, умудрялся быстро залезть на него и тут же спрыгнуть в другой двор. Преследование на этом чаще всего прекращалось. Но были и просто развлечения в виде прыганья с сараев различной высоты — на землю, в кучу песка, или зимой - в сугроб. Эти прыганья были в какой-то степени видом спортивных соревнований, где выяснялись наиболее храбрые ребята. У нас во дворе было несколько таких сараев, но один, с крышей на уровне второго этажа, был особенно заманчивым. Прыгать с него могли не все. Как выяснилось, дело было в особом страхе высоты, который некоторые, вполне отважные в других ситуациях ребята, преодолеть не могли. Зато были такие, для кого прыгнуть с высокого сарая не составляло труда, и дело здесь было не в возрасте, даже пол не играл роли. Я помню, как безо всякого страха, а главное сразу, не стоя долго на краю крыши, прыгала одна девочка, в то время, как более взрослые ребята подолгу не решались на это. Здесь был

двойной страх, во-первых — подвернуть или сломать ногу при приземлении, а во-вторых - острое ощущение захватывания духа в процессе самого полета. С гордостью могу сказать, что я преодолевал эти страхи и прыгал со всех сараев. Сильных травм не было, может быть, пару раз подворачивал ногу.

Еще одним из летних развлечений было запускание возлушного змея. Я

запускание воздушного змея. Я некоторое время занимался этим, хотя в пределах двора развернуться особенно не удавалось - не хватало места для разбега. Это занятие лучше подходило для открытого пространства, где-нибудь в деревне, но мы занимались этим и во дворах, между домов. Быстро запустить змея можно было только при хорошем постоянном ветре. Тогда можно было никуда не бежать и контролировать положение змея в вышине, изредка подтравливая его за веревку. Змея делали дома, каждый для себя. Где-то доставали тонкую, плотную провощенную бумагу типа кальки. Наклеивали на нее тонкие деревянные рейки, по периметру и крест-накрест, верхнюю часть получившегося прямоугольника немного изгибали и закрепляли в таком положении шпагатом. К нижней части приделывался хвост из длинных кусков мочала, а к верхней - конец длиннющей тонкой веревки,

намотанной на палку. Когда змей взлетал под напором ветра, веревка быстро разматывалась, давая ему простор. Змей обычно запускали вдвоем. Один держал его на вытянутых вверх руках, а другой, отойдя подальше, начинал разбег. Так они оба бежали некоторое время вместе, пока змей не набирал воздух и не взмывал вверх, вырвавшись из рук. Дальше все зависело от техники того, кто держал моток с веревкой. Чтобы змей не потерял высоты, надо было все время следить за натяжением веревки, в то же время постепенно разматывая ее.

Только так змей уходил далеко ввысь. Но если веревка разматывалась слишком быстро, то змей заваливался набок и начинал падать зигзагами. Увлечение это требовало от детей не только ловкости и сноровки, а также умения делать вещи своими руками, причем пользуясь неписаными правилами, передававшимися от поколения к поколению.

Было еще одно дворовое увлечение воздушным пространством. Оно называлось "гонять голубей". У нас во дворе, как и повсюду, были голубятни, были и заядлые голубятники. Занимались голубями в основном взрослые мужики, поскольку это было связано с деньгами, с различными разборками по различным поводам. Насколько я знаю, это занятие

было не простым увлечением. Если человек втягивался в него, то оно становилось для него чуть ли не профессией, но уж образом жизни - наверняка. Меня миновало увлечение голубями, я ничего не понимаю в этом и не берусь рассказывать, хотя подозреваю, что это целая наука. Думаю, что кто-нибудь напишет пособие по дворовым голубятням.

-- --

Наиболее благоприятной порой для дворовой жизни было, конечно, лето. Но и зимнее время оставило массу воспоминаний. Все во дворе замирало в холодные и дождливые дни поздней осени, но оживление наблюдалось уже с первыми морозами, с первым снегом. Тут начинались игры и забавы совсем иного сорта. Должен сказать, что во второй половине сороковых — в начале пятидесятых годов зима в Москве была гораздо холоднее и дольше, чем сейчас. Катки начинали работать уже после 7-го ноября и закрывались в самом конце марта. За время зимы иногда были настолько сильные морозы, что в школах отменялись занятия, так как некоторые школьники, особенно младшие, обмораживались по дороге в школу. Оттепелей в середине зимы почти не было, снег лежал постоянно. Среди

зимних забав, проходивших внутри двора, была очень популярна игра "царь горы". Для этого требовалось любое возвышение, заваленное снегом и превратившееся фактически в сугроб. Чаще всего это были сами сугробы, то есть огромные кучи снега, образовавшиеся после работы дворников по очистке двора. Дворников тогда было много и работали они очень усердно. Более организованный способ игры в "царя горы" предусматривал разделение на две команды, каждая из которых пыталась захватить вершину сугроба. В этом случае приходили друг другу на помощь, держали круговую оборону, нападали иногда вдвоем на одного. Руки в ход не пускали, разрешалось только толкаться плечами, брать на корпус. Часто применялся такой эффектный прием: один из оборонявшихся заходил сзади и ложился под ноги одному из нападавших. В этот момент достаточно было небольшого толчка, чтобы тот полетел вниз с горы, кувыркаясь через голову. Когда народу собиралось не так много, то играли каждый сам за себя. В этом случае происходила очень смешная и беспорядочная толкучка, удержаться на горе долго никому не удавалось. Вообще "царь горы" была игрой веселой и безопасной. Снег амортизировал самые отчаянные падения,

да и падали с удовольствием, поскольку одевались очень плотно, в валенки, ватники, разные там кацавейки, поддевки, шарфы, шерстяные платки, шапки-ушанки, варежки на резинках, продетых в рукава. После такой игры одежда была изгвазданной в снегу, да так, что никакой щеткой не отчищалась. Обычно ее сушили где-нибудь в коридоре или в прихожей, подстелив на пол тряпки, так как растаявший снег образовывал целые лужи. Другой массовой зимней игрой были снежки. Просто кидаться комочками снега - это была мимолетная забава. А вот играть в снежную крепость, "убивая" друг друга снежками, совсем другое дело. Такая игра зависела от погоды и была возможна во время оттепели, потому что в морозный день снежок слепить сложно. Как только начиналось потепление, во дворе строили снежную крепость. Сначала скатывали из сырого снега большие шары, как для

погоды и была возможна во время оттепели, потому что в морозный день снежок слепить сложно. Как только начиналось потепление, во дворе строили снежную крепость. Сначала скатывали из сырого снега большие шары, как для изготовления снежной бабы. Из них складывали стены крепости разной формы, иногда с отверстиями типа бойниц. Нередко во дворах можно было встретить довольно объемистые сооружения, при постройке которых проявлялась недюжинная выдумка ребят. За стенами обычно укрывалась одна команда, в то время, как

другая должна была выбить ее оттуда при помощи снежков, которые были эквивалентом пуль или снарядов. Попадание снежком в противника означало, что его "убило", и он обязан был выйти из игры. В общем, это была настоящая игра в войну, но абсолютно безопасная по сравнению с летними играми военного типа, где использовались лук и стрелы, дротики, пики, шашки и прочие приспособления, способные нанести травмы. Значительная часть зимних развлечений проходила за воротами, за пределами двора, на тротуарах и мостовой нашего Тихвинского переулка. Там, где имелся небольшой уклон, накатывалась сама собой ледяная дорожка, по которой с разбегу катались, стоя на ногах. Если уклон был крутым, а дорожка большой длины, то удержаться на ногах и не упасть было трудно. Так что катание подобного рода тоже носило соревновательный характер. Но главные игры происходили на проезжей части, на мостовой. От того, что здесь часто проезжали автомобили, поверхность мостовой укатывалась, становясь гладкой и ровной. Это создавало идеальные условия для зимнего футбола, а также для обычного хоккея с мячом, когда играли без коньков, с разномастными клюшками,

с воротами из двух камней или льдин. Когда по переулку проезжала машина, то в последний момент все рассыпались в стороны и тут же продолжали игру, поправив сбитые машиной ворота. Грузовые машины были источником дополнительного азарта и риска для тех, кто имел специальные проволочные крюки. Зацепившись за кузов таким крюком, можно было проехать за машиной до конца переулка, скользя на коньках, на ботинках или валенках. Если скорость проезжавшего грузовика была достаточно большой, то зацепиться так, чтобы сразу не навернуться, было очень трудно. Зато, если удавалось устоять на ногах, выдержав рывок движущейся машины, ты оказывался героем и вознаграждался удовольствием от короткой поездки до конца переулка в качестве прицепа. Это занятие осуждалось взрослыми и приравнивалось к хулиганству. Если в этот момент здесь оказывался участковый милиционер, то он мог забрать кого-нибудь из лихачей в отделение милиции. А это означало, что будет очередной «привод». Надо сказать, что в послевоенные годы понятие "участковый" не было абстрактным. Милиционер, которого так называли, отвечал за порядок на определенном участке, включавшем несколько домов. Он знал по

именам всю шпану на своей территории, помнил все их прошлые "заслуги", нередко пытался вести нечто похожее на воспитательную работу, иногда общался с родителями своих подопечных. К участковым относились чаще всего с уважением, но главным образом их боялись, поскольку на их стороне была реальная сила.

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

АВСТРИЯ: Вальтер (Эрнст) Досталь (1950-1973).

Этот 23-летний инженер прославился как жестокий преступник, итогом "деятельности" которого стали пятеро убитых и четверо раненых.

Серия убийств совершенных Досталем началась с того, что 13 июня 1973 г. он устроил взрыв бензовоза на шоссе Вена -Нейштадт. обгоревших и искореженных обломков автомобиля были найдены человеческие останки. Пока газеты строили версии о том. что это было - драма провалившегося шпиона, месть несчастный случай, - в полицию или вторично обратилась мать 26-летнего служащего Рихарда Дворака. За два ДНЯ ДО бензовоза она заявила об исчезновении своего кармане было 20 него В шиллингов, - рассказала она полицейским, - он собирался оплатить купленную накануне ферму.

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

А на следующий день он должен был вылететь в Токио, чтобы принять участие в соревновании по каратэ". В день трагедии на шоссе мать Дворака поехала к другу своего сына Эрнсту Досталю, думая, что, может быть, он знает, где находится Рихард. От Досталя она ушла ни с чем, но поведение молодого инженера, его уклончивые ответы насторожили ее. В 16 часов госпожа Дворак снова пришла в полицию. На этот раз она поведала об увлечении сына оружием и взрывчаткой и о том, что у него есть близкий друг - Эрнст Досталь, который разделяет увлечения ее сына.

Тщательно проведенная экспертиза позволила установить - за рулем бензовоза был Рихард Дворак.

Прежде, чем допросить Эрнста полиция собрала о нем необходимые сведения. словам соседей, более спокойного предупредительного человека трудно Жил родителями сыскать. вместе с ОН собственном доме семьи Досталей. Отец Эрнста, бизнесмен, представитель достаточно солидной швейцарской фирмы, на досуге сочинением детективных романов; некоторые из них были изданы. Соседи рассказали, что к Эрнсту родители относятся с большой любовью, выполнить любой его каприз готовы частности, отец подарил ему ферму.

Досталя-младшего вызвали в полицию. Беседа проходила спокойно. Эрнст рассказал, что они действительно были друзьями с погибшим

Двораком, и что Дворак собирался купить у него ферму. Но затем передумал, потому что ему потребовались деньги на поездку в Японию. Досталь сообщил, что в последний раз видел Рихарда 12 июня, накануне его гибели, когда Дворак собирался ехать на пикник в одно местечко под Веной.

Шли дни, но следствие топталось на месте. Полицейские проверяли возможную причастность Дворака к преступному миру, отрабатывали другие версии — все напрасно. Эрнста Досталя вызвали в полицию вторично - может быть, он подскажет какие-то детали, за которые можно будет уцепиться? Хотя, по правде говоря, никто из следственных чиновников в это особенно не верил.

22 июня, спустя 9 дней после взрыва на шоссе, вторично полицейское явился В управление. Спокойно обстоятельно И повторил свой рассказ о том, как встретился и расстался с Рихардом 12 июня. В ходе расспроса следователь некоторую вдруг заметил неуверенность инженера. показаниях В незаметный сделал двум другим знак чиновникам, и они вышли из комнаты, чтобы проконсультироваться и проверить сведения, сообщенные Досталем.

Оставшиеся следователей комнате двое продолжали беседовать с инженером. Однако он. наверно, уже почувствовал что-то неладное. следователей наклонился Когда один И3 столом, вскочил стула CO выхватил OH И

пистолет. Двумя выстрелами он тяжело ранил следователей и бросился к двери. Третья пуля досталась попытавшемуся преградить ему путь чиновнику.

коридор, Досталь выскочил Пробежав И3 здания и ринулся к воротам. Однако, услышав выстрелы, дежурный успел объявить тревогу, и ворота автоматически закрылись. Досталь здесь не растерялся, не стал метаться по двору. Он бросился назад, в управление. По дороге застрелил еще одного полицейского и вытащил у кобуры пистолет. В управлении И3 второй этаж, открыл взбежал на выходившее в переулок, и спрыгнул на стоянку служебных автомашин. В эту минуту к ней как раз подъезжал учебный автомобиль. Досталь поднял пистолет: - Стой! Полиция! Вылезайте, мне нужна машина!

Водитель и ученик безропотно подчинились, и Досталь мгновенно скрылся на бешеной скорости.

Перед тем, как надолго исчезнуть из виду, он еще успел заехать в оружейный магазин и купить себе новый пистолет с запасными обоймами.

В тот же день в доме Досталей раздался странный телефонный звонок, после которого исчез Досталь-старший, взяв перед уходом паспорт и крупную сумму наличными.

Через день после бегства из полицейского управления Досталь-младший появился на восточной окраине Вены в Грос-Энценсдорфе. Здесь он постучался в домик-бунгало и, когда

ему открыли дверь, убил наповал 45-летнего хозяина и его жену, затем сел в их автомобиль и скрылся в неизвестном направлении.

Все выезды из Вены и ее окрестностей блокировали, но это не помогло - Досталь улизнул. В тот же вечер в полицию поступили сообщения, что в охотничьем хозяйстве под Вайдлингом похищены оружие, боеприпасы и автомобиль. И опять Досталь успевает скрыться до приезда полиции.

Еще через день, 26 июня, в одной из столичных газет появилось объявление: "1919, в понедельник я напрасно ждал тебя под часами, попробую дождаться тебя в среду и четверг около 22 часов. Меня можешь застать по телефону 02774/326".

И3 читателей, заподозрив неладное, полицией, поделился СВОИМИ мыслями C полицейские, обратили свою очередь, В внимание, что цифры 1919 - это год рождения Досталя-старшего. Установив, что в объявлении указан номер телефона одной пустующей виллы недалеко от дома Досталей, полиция окружила виллу и взяла ее штурмом. Но в доме никого не к полицейским обратился обнаружили. Зато хозяин другой виллы, расположенной вблизи. "Мы там сейчас не живем, - сказал хозяин. - Не исключено, что преступник может укрыться там. более, моей Тем ЧТО И3 виллы прекрасно просматривается все окрестное пространство". сообщение, полицейские получив ЭТО организовали окружение Пока виллы. ОНИ

разрабатывали план дальнейших действий, стало заметно, что внутри дома кто-то есть. Началось сужение блокады. Через мегафоны Досталю предложили немедленно сдаться. В ответ на вилле распахнулась входная дверь, и преступник выбежал во двор. Он еще успел добежать до забора и попытался перелезть через него. Но человек на заборе - идеальная полицейских снайперов. ДЛЯ в него сразу четыре пули. Досталь всадили приблизились, нему Когда К попробовал поднять руку с пистолетом, словно в дешевом кинофильме, но сейчас же обессиленно опустил ее. По дороге в госпиталь он умер - от раны в голову.

надеялась, что тайну Полиция Вальтера Досталя откроет его отец, но он бежал в ФРГ и там, узнав о смерти сына, пустил пулю в лоб. В Досталей была найдена прекрасная коллекция оружия и боеприпасов, в подвале обнаружили тир со звуконепроницаемыми современную камеру стенами и пыток. главным сюрпризом явились длинные списки общественных политических И Австрии, руководителей экономики. И еще одна любопытная деталь этого дела: в одном из романов-триллеров Досталя-старшего - "Охота за атомным золотом" - описаны склады оружия и пыток, очень похожие на те, которые были обнаружены в доме Досталей. В этой же книге описываются "казни" людей, от которых по причинам нужно было избавиться каким-то

преступнику, анализируются способы быстро достичь власти и богатства с помощью угроз, шантажа, кражи заложников, пыток и убийств. Возможно, горячечная фантазия Досталястаршего и послужила руководством к действию для Досталя-младшего.

Комментарий редактора. Дело mym фантазиях. Они лишь производные от истинной причины, заключающейся в том, что с этой семьёй так) некий (скажем одержатель. работал программист с тонкого плана, заинтересованный в пытках, убийствах (в том числе политических) и т.п. Обычная история почти для всех убийц и убийств. Наш журнал для того и публикует эти истории, чтобы всем было видно, что причины подобных действий лежат на тонких планах, правоохранительные должны усилия направлены именно ТУДА, а не, скажем, на строительство новых тюрем на физическом плане или, здесь же, на ужесточение наказаний.

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

29

Переслегина Данилов, похоже, перестал раздражать. А Чудецкий однажды сказал Данилову и приятные слова.

Играл Данилов лучше. И меньше мучился от своих несовершенств. Хотя и мучился.

Дворце энергетиков круто **ВЗЯЛИСЬ** конкурс бальных танцев, и молодежный оркестр перебрался Дом Чудецкого В культуры медицинских работников. При этом Данилов почувствовал, Переслегин Чудецкий какие И деловые люди. Хотя, впрочем, они, как и он сам, застенчивые артисты. Но предприятие требовало отваги. И он обязан был подавить в себе жалкие голоса.

Впрочем, теперь, когда дело как будто бы пошло, и не как будто бы, а хорошо пошло, Данилов это чувствовал, жалкие голоса в нем затихали. Да и когда им было звучать! Если

Продолжение.

общественном транспорте, только В доставлявшем Данилова на репетицию из театра и с репетиции в театр. Но и тут Данилов доставал из кармана "Культуру" или "Советский спорт" забывал 0 многом, игре необъективные отчеты об хоккеистов "Динамо". В "Спорте" явно сидели спартаковцы. троллейбусах и такси Данилов В засыпал, а газеты вынужден был дочитывать в И все иногда лифте. же что-то вздрагивало: "Ну сыграешь. И опустишь смычок. И будет — тишина..." **"Кыш!"** говорил тогда Данилов.

Однако на него нашло другое. Теперь, когда он был уверен, что должен сыграть и сыграет Переслегина, Данилову стали являться страхи как бы ему что не помешало. Хлопобудов он в расчет при этом не брал И время "Ч" тоже. Время "Ч" ему сейчас и в голову не приходило. думал, что вдруг погибнет или накануне выступления. Он смеялся над своими страхами, но смех получался нервный, а страхи не проходили. И не за свою жизнь было ему в этих страхах обидно (хотя и за нее главным образом досаду и печаль вызывали в мысли о том, что он не успеет сказать людям то, что может и обязан им сказать. То есть не сказать, а звуками своего альта открыть им нечто такое, чего они не знали, но о чем догадывались. Никогда Данилов не болел, ни разу не бюллетенил, а сейчас то будто в лопатку ему отдавало, то ломило затылок, то ныл зуб, то

рези. Иногда животе случались В жаловался в присутствии Данилова тоже затылок или на лопатку, все кивали на погоду, экая дрянь на улице, тут Данилов успокаивался. Однако ненадолго. Вскоре страхи возвращались, и Данилов был уже уверен, что него смертельная. Он поликлинику, но там у него нашли лишь нервную усталость и начальные явления катара желудка. Данилов даже расстроился, что так мало нашли. "Э, нет, — решил он. — Они мне всего не говорят..." Одно было хорошо: впервые в жизни Данилов схватил простуду и получил на три дня больничный. Он выспался. Но в свободную минуту, поразмыслив, удивился тому, вообще может болеть. Неужели его организм перестраивался?

почувствовал себя ОН мерзко, пришел в репетицию дурном настроении. Репетировали они вдвоем с Переслегиным, тот, играл за оркестр. роялю, Кончили, словами, замолчали, обменялись **TYT** И Переслегин спросил:

— Что это вы сегодня выглядите неважно? — И, не дождавшись ответа Данилова, сказал: — Я себя мерзко чувствую. Хоть бы до концерта дожить.

Данилов взглянул на Переслегина удивленно, но и обрадованно: неужели у Переслегина те же страхи? Он открылся Переслегину. И Переслегин обрадовался. "Именно, именно, — сказал он, — именно так все и есть! Со мной это

не впервые. Когда писал симфонию и дело шло к концу, вдруг испугался: а закончу ли? Уж уверен был, что вот-вот окочурюсь. прошло... И сейчас самой перед премьерой опять..." Тут ОНИ посмеялись над пожурили друг друга, a расстались, каждый из них подумал: "С ним-то, верно, что может случиться? А вот со мной еще неизвестно как..."

Впрочем, в тот день колик в желудке Данилов уже не испытал.

От театра он был еще на один вечер свободен. Сидел дома, ничего не делал. О Наташе приказал себе не думать. Музыка опять занимала его.

Данилов вспоминал секунды скверной игры на репетициях, секунды отчаяния, когда подмывало сдвинуть пластинку браслета. Но привести мальчишеское желание могло лишь к минутному триумфу или потрясению, а ничего бы не изменилось. Просто он, Данилов, был бы в те мгновения не творцом, не артистом, не личностью, а патефонной иглой. И в лицее и позже, находясь в демоническом состоянии, Данилов любил играть на многих инструментах. И тогда, конечно, требовались для музыки некие способности. Главным И Данилова, возможности его, личности, возможности его демонического положения. В любой миг он мог бы ощутить вечную музыку от ее простейших звуков до ее пределов, понять все ее изгибы, все ее законы, и не только

ощутить и понять, а и услышать ее звуки и волны или почувствовать их в себе. Мог при желании любую музыку, и прошлую, и будущую, исполнить на любом инструменте. Но чужое откровение ему наскучило. И принимать это откровение стало для него унизительно. Он был просто проигрыватель музыки. А Данилов во всем желал своего, то есть того, что бы делало его личность личностью. Вот как человек он постигал музыку с удовольствием. Все открывал сам. Чаще мучился и страдал, но уж и радовался иногда, как творец. Увлекала его и неизвестность. Что дальше-то будет с музыкой и с ним в музыке? Вдруг он достигнет такого совершенства, осмелеет до такой дерзости, что плечиком хоть чуть-чуть, но эдак подтолкнет музыку... куда?.. вперед?.. выше?.. Что значит — вперед, выше, дальше?.. куда-то, он еще и не ведает куда, на новое место. Но уж без всяких чудес с браслетом — так он себе положил! Мало того, что он оказался бы тогда не на равных с людьми — это было бы скучно, было бы ЭТО шарлатанство заблуждение, более ничего. Теперь он как будто бы мог сделать один из важных своих шагов, нет, он ничего еще не подталкивал плечом (да, возможно, ему и не суждено подтолкнуть-то), убежден, ОН был нынче существование будет оправдано именно что он исполнит симфонию Переслегина. Нужна она людям или нет — это другой вопрос, но он

им откроет ee. A потом уж пусть с ним случается то, что должно случиться.

При этом Данилов думал о Земском. Земский, многое из того, что наверное, прошел Данилову, еще предстоит пройти. То есть дороги у них разные. Но муки и сомнения одинаковы на всех дорогах художников. И ведь Земский не духом, а хлопочет о скис, не пал Претензия у него большая. Однако Земский выстрадал на полагает. ЭТУ претензию ЧТО право...

Мысли Данилова о Земском были прерваны Муравлев Муравлева. приглашал Данилова в гости, жена его уже готовила плов и жарила баранью ногу, купленную на Бутырском рынке. Данилов быстро собрался и поехал на Проезжая Масловку. Савеловского вокзала, он вдруг подумал, что прежде, в подобные дни, наверное, сдвинул бы пластинку браслета и позволил себе отдохнуть или развлечься. Может быть, искупался бы в молниях, а может быть, перенесся в Анды, в пещеру, там бы полежал в одиночестве и покое. А он теперь думать забыл о купаниях в грозу и о полетах в Анды! Ехал к Муравлевым и знал, что там ему будет приятно и сытно, а потом он посидит в тепле, в спокойствии или подремлет... расцеловался Муравлевым, Данилов C Мишей поздоровался с их сыном взятой воспитание грамотной собакой недавно на Салют дворовой породы. Какие запахи текли из

кухни! Собака Салют — и та облизывалась. В прихожей Данилов заметил жокейские сапоги, Муравлев увлекся верховой ездой, в свободные часы на кауром жеребце разъезжал по аллеям парка. Он Данилова Петровского И Данилов слушал Муравлева завистью, думал: "А что, и в самом деле, когда поспокойнее, пойдут дни надо попробовать..." Данилову дали домашние туфли Муравлева, отвели в комнату, усадили в кресло возле стола, но и так, чтобы видеть телевизор. Хозяйка Данилов МОГ хлопотала на кухне, Муравлев, читая на ходу протирал вилки и ножи, И Данилова шла жизнь — резвились собака Салют и обычно задумчивый пионер Миша. "Салют, анкор, анкор!" — кричал Миша, размахивая горном, и собака Салют хотя никуда прыгала, но все же старалась отгрызть кусок домашней туфли у Данилова с правой ноги. Собака Салют была женского пола, и поэтому Данилов относился к ее стараниям благодушно, некоей снисходительностью. Прежде конечно бы, отправился на кухню, помогать хозяйке, а тут не мог, не имел сил...

Пришли гости. Были тут и Еремченко, и Кошелев с Ольгиной, и Вильчеки, и Спасские, и Добкины, и Екатерина Ивановна, но одна, ее муж Михаил Анатольевич опять находился в отъезде. Пришел на плов и баранью ногу я с женой, мы с удовольствием поговорили с Даниловым, я поблагодарил Данилова за

открытку, присланную мне осенью из Хабаровска, — Данилов был тогда на гастролях в Южно-Сахалинске и застрял из-за непогоды в Хабаровском аэропорту. "Давно тебя, Володя, здесь не было! — сокрушались гости. — Пропал, и все! Мы по тебе соскучились!" Данилов оправдывался, а сам был растроган и жалел, что не ходил к Муравлевым, — действительно, лучше бы уж он бывал тут, а не тратил время попусту, — скажем, на хлопоты Клавдии...

"Вот скоро буду посвободнее, — сказал Данилов, — сыграю одну вещь..." Тут Данилов рассказал о симфонии Переслегина и пригласил всех прийти на концерт в Дом культуры медицинских работников.

Наконец стол был накрыт, начались удовольствия, Данилову хозяйка накладывала порции побольше, все говорили: "Ешь, Володя, ешь!", видели, какой он голодный.

— А отчего Кудасова нет? — спросил Данилов. Ему объяснили, что Кудасов всех удивляет. Он думает. потерял аппетит много И поддержания семьи Кудасов все же читает лекции, но как-то вяло, умолкает вдруг ни с того поражаясь бы сего, словно собственной лекции и не веря ей. Дома он садится за письменный стол, берет источники, недолго выдерживает общение с ложится на диван, смотрит грустно в цветы на обоях.

- Странно, сказал Данилов.
- Странно, согласился с ним Муравлев.

то, что Кудасов не почувствовал и в особенности нынешний плов нынешнюю ногу, фаршированную чесноком политую хозяйкой по золотистой корочке вином "Киндзмараули", было не только странным, но и Приязни Кудасову печальным. К никто испытывал, его у Муравлевых терпели, но и привыкли к нему. И теперь отсутствие Кудасова казалось чуть ли не дурным знаком. Впрочем, принялись ГОСТИ снова **3a** Раскрасневшаяся хозяйка влюбленно глядела и на гостей, и на мужа с сыном, и на Данилова, и на бараньи кости, и на грамотную собаку Салют, покусывающую потихоньку монографию о Сергее Судейкине.

Насытившись и сказав хозяйке добрые слова, Данилов стал задремывать. Совсем задремал. Он все видел, а многое и слышал, но сам ни говорить, ни двигаться не мог. (Я желал в тот вечер побеседовать с ним о музыке, кое о чем расспросить его, но Данилов сидел такой, будто явился к Муравлевым с пытки и теперь приходил в себя. Что же пытаного мучить. Я Гости притихли, выключили телевизора, мужчины смотрели немой хоккей. Даже собака Салют с меньшим усердием грызла монографию: собака и впрямь была ученая, первой в доме Муравлевых знакомилась книгами. Женщины тихонько болтали, их голоса ласкали Данилова.

Данилов знал, что, если с ним случится дурное, в доме Муравлевых будут о нем

печалиться. Ему даже захотелось рассказать приятелям о своих недомоганиях и мрачных мыслях последних дней, чтобы мысли эти тут же бы развеяли, а его, Данилова, за них и отчитали. Но он сдержался. И задремал.

Когда проснулся, многие из гостей уже ушли, а Муравлев с Кошелевым играли шахматы. Кошелев был адвокат, но во всех играх кидался в атаки, словно прокурор. Невдалеке от себя Данилов увидел Екатерину Ивановну. Вместе с рассматривала "Бурду", хозяйкой она выкройки для летнего приискивая Данилову стало неловко. Ему показалось, что Екатерина Ивановна взглянула на него с неким укором. Возможно, ей было известно разладе с Наташей. И Данилов почувствовал, ему очень хотелось, чтобы Екатерина Ивановна заговорила с ним о Наташе. Все он лгал себе! Теперь он понимал, как недоставало ему в последние дни Наташи! Пусть он ей не нужен, но она ему — нужна! И не ему одному, а и музыке. Ведь и тогда, в НИИ, он играл хорошо оттого, что в зале была Наташа...

Весь следующий день Данилов был грустный и рассеянный. Чудецкий с Переслегиным удивлялись ему. "Что с вами, Владимир Алексеевич? — говорил Чудецкий. — Все шло удачно, а нынче... У нас ведь через день премьера..." А у Данилова и на самом деле альт и смычок чуть ли не валились из рук. "Я устал", — сказал Данилов.

- В театре он отыграл спектакль, приехал в Останкино и в темени, возле своего дома, увидел Наташу.
- Здравствуй, Володя, сказала Наташа, извини, что караулю тебя, но мне необходимо с тобой поговорить. Даже если я и разговор со мной тебе в тягость, все же я прошу выслушать меня...
- Здесь холодно, сказал Данилов, если не возражаешь, пошли ко мне.

Они поднялись к Данилову.

— Володя, — сказала Наташа, — ты можешь посчитать, что я навязываюсь тебе в друзья или любовницы, ты можешь презирать меня, это ничего не изменит. Я не могла не увидеть тебя и не выяснить все до конца. Я не стыжусь того, что пришла.

Данилов промолчал.

- Нужна я тебе или не нужна, сказала Наташа, но я без тебя не могу. Если ты не любишь меня, скажи об этом, я уйду от тебя. И навсегда.
- Мне без тебя было плохо, сказал Данилов.

Данилов почувствовал, что хотя вчера и сегодня он печалился о Наташе, мечтал о встрече с ней, обида на нее все же не прошла совсем, напротив, теперь она ожила, и его слова значили не только то, что ему без Наташи было плохо, но что ему вообще было плохо, а она, Наташа, этого не ощутила. "Зачем это я? —

подумал Данилов. — Ведь все это мелкое и лишнее!"

- Я нужна тебе? спросила **Наташа**.
- Да, сказал Данилов.
- У меня нет никого другого. Ухажеры были всегда, я позволила одному из них в тот вечер проводить меня, я чувствовала, что ты придешь в наш переулок, вот я и позволила с досады и по женской глупости... Ты прости...
- Мы и не договаривались держать друг друга на цепи. И ты извини меня за обидные слова и невнимание к тебе... Но у меня вся жизнь сейчас на лету.
- Я бы хотела, чтобы все твои беды, все твои хлопоты стали моими, чтобы тебе стало легче оттого, что я рядом, но я боюсь подойти к тебе, может быть, все и не так, но я чувствую, что ты скрываешь от меня нечто важное, оттого я мучаюсь, и мы с тобой не откровенны до конца, а что хорошего может выйти у нас без этого откровения?

Данилов молчал, был растерян.

— Прости, — сказала Наташа, — возможно, я слишком много хочу и обидела тебя. Да и какое право я имею на твое откровение?

Данилов поначалу был намерен произнести легкие слова, возможно и отшутиться, с тем чтобы все у них с Наташей осталось так, как оно было прежде. Но, взглянув на Наташу, он понял, что это невозможно.

— Да, — сказал Данилов. — У меня есть тайна. Открыть ее тебе — и никому — я не могу. И никогда, как бы ни сложились наши отношения с тобой, я не смогу открыть ее.

В глазах Наташи были испуг, нежелание верить ему. "Нет, нет, нет! Все ты придумал! Этого не должно и не может быть!" — казалось, хотела выкрикнуть она. Предчувствия или догадки, тяготившие ее в последние дни, теперь, видно, обернулись дурным сном, от которого хотелось бы избавиться, но не было сил избавиться.

— Так все и есть, — сказал Данилов. — Но тайна эта касается только меня, она связана с моим происхождением и нынешним моим положением. В ней нет ничего подлого, бесчестного... И на тебя не упал ни один отсвет от нее. — На всякий случай Данилов добавил: — Тайна эта не связана с каким-либо вредом отечеству.

Данилову показалось, что его последние слова отчасти успокоили Наташу. Да и легко ли было ей узнать, что он какой-нибудь агент или шпион!

- Я открыл тебе значительно более того, что я мог открыть, сказал Данилов. И подумал: "Я ничего не мог открывать! Мне еще зачтется! И как!"
- Это оттого, что наш разговор с тобой последний.

Наташа сделала некое протестующее движение.

"А не посчитает ли она меня теперь сумасшедшим? пришло на ум Данилову. — Пусть бы и посчитала, — решил Данилов, —

лишь бы легче отошла от меня..." Впрочем, тут же сама возможность того, что Наташа заподозрит его в помешательстве, показалась Данилову неприемлемой.

- При этом, сказал Данилов, я прошу не считать меня больным душою. Я здрав рассудком. Хотя, конечно, эти мои слова еще ничего и не доказывают...
- Я знаю, что ты не болен, тихо сказала Наташа, и Данилов понял, что она говорит правду.
- оттого тебе сказал про последний разговор, что теперь после моих слов наши стали бы отношения C тобой настолько серьезными, что продолжать их не было бы возможности. Прежде нам было легко, ничто нас всерьез не связывало, но и ничто не тяготило, кроме мелких недоразумений и бед. А теперь и беды бы стали слишком большими. Со мной возможны странные явления, в любую минуту, да вот хоть бы и сейчас, я могу исчезнуть. И навсегда. Но и не это главное. Главное, что человек, который свяжет свою судьбу с моей, сразу же подвергнется опасностям, какие я ни отвести, ни предотвратить не смогу. И тебе стало бы хуже, и я дрожал бы за каждый твой шаг. Никаких выгод мое положение не дает, напротив, тебя ждали бы напасти, болезни, а возможно, и гибель. Я мечтал, чтобы у меня были сын или дочь, но я не могу иметь ни сына, ни дочери. Моя тайна дала бы их жизни свой поворот.

- Бедный Данилов, сказала Наташа.
- Нет, я не бедный. Я знаю, что мне дано и чего мне ждать. Но увлечь за собой чужую жизнь и опалить ее я не могу. И не хочу.
  - И что?
  - То, что теперь нам следует расстаться.
  - Сейчас я нужна тебе?

Данилов промолчал.

- Я буду тебе в тягость, буду обузой?
- Не знаю... сказал Данилов.

Он и вправду не знал.

- Ты можешь разлюбить меня, я пойму это и уйду Но сейчас хоть на неделю, хоть на день я тебе нужна? Скажи, что есть на самом деле, оставь в стороне все иные соображения и заботы о моей судьбе, я прошу тебя.
  - Нужна, сказал Данилов.
- Я буду с тобой хоть эту неделю, хоть этот день.
  - Наташа, я не могу...
- Ты меня ничем не испугал. Я принимаю все твое. Напасти, болезни, погибель что они мне, если я с тобой и тебе нужна? Если что-то будет мне угрожать, значит, что-то угрожает и тебе. Если ты исчезнешь, уйдешь из моей жизни по своей воле, пусть. Но если ты исчезнешь по чужой воле, ты можешь понять, что будет со мной. Ты уж не исчезай. Я прошу тебя. Если на тебе вина, если ты закабален тяжким обязательством, я возьму на себя твою вину и твои обязательства. Если нужно заплатить жизнью, я заплачу. Я понимаю, ты откажешь мне

в этой моей просьбе, но ты не спеши, ты отнесись к ней всерьез. Дай мне хоть часть своей ноши, не объявляя, что это за ноша. Я знаю, что для тебя музыка, я не могу быть с тобой здесь на равных, но я постараюсь, чтобы мой интерес к твоей музыке не стал для тебя обременительным, скучным и пустым. Я сделаю все, чтобы не мешать твоей музыке. Не думай, я не стану лишь тенью и прислугой, ты бы сам заскучал со мной, я ни в чем не отрекусь от себя, но ведь тебе нужна любовь, опора, вот я и буду тебе любовью и опорой.

- Спасибо, Наташа, сказал Данилов. Коли так... Но обещать не исчезнуть я не могу...
- Я много наговорила... Но все слова мои не зря и не попусту. Верь им. А если ты посчитаешь, что я навязываю себя тебе, что со мной тебе не станет легче, прогони меня.

Теперь Данилов был убежден в том, что им с Наташей следует расстаться навсегда. Он обязан был уберечь ее от своей судьбы. Но ни слова Данилов не произнес. А если бы и произнес — разве мог бы он что-либо изменить? Сейчас Наташа была сильнее его.

- Ты хоть сегодня меня не гони, робко улыбнулась Наташа.
  - Сегодня не прогоню, сказал Данилов.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории": "Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

16

Очень скоро Шеврикука увидел BO дворе Дударева опечаленным. Да что опечаленным! Разгромленным, уверил Дударев, разгромленным! Джинсовая рубаха его была помята и чуть ли не истерзана, а замечательные усы показывали без десяти пять (дня ли, ночи ли - не имело значения). Правый ус Дударева, будто выражая недоумение, вздернулся к глазу, левый же свис сникшим в безветрие стягом. И не в джинсовой рубахе, вспомнил Шеврикука, ходил Дударев даже и в жару, а во внушающей тройке темной просвещенного доверие предпринимателя рябушинскоудачливого морозовской традиции.

- Разгромили! - взревел Дударев. - Обокрали!

- Bac?
- Да что меня! Что у меня красть и громить! Митино взяли! Митино!
- Когда? искренне обеспокоился Шеврикука. Впервые услышал, что квартиру Мельникова ограбили и разгромили. Я-то должен был бы...
- При чем тут квартира! вскричал Дударев. Что у него дома брать? Лабораторию! Лабораторию!

Сразу же Дударев сообразил, что говорит лишнее. Да и не говорит, а орет.

- Впрочем, вам я могу доверить, зашептал он, почти вплотную приблизившись к Шеврикуке. Вы же с нами? Ведь вы, Игорь Константинович, согласились вести паркетные работы...
- Да, кивнул Шеврикука. Я обещал быть полотчиком. Если тот дом на Покровке...
- Hy вот! Ну вот! Стало быть, все это касается и вас!

Шеврикуке доброжелательного Ощутив в или даже родственную собеседника Дударев выпалил множество слов, порой и не чтобы заботясь слова вовсе. ЭТИ логические выстраивались В ряды, не утруждая себя интересом к тому, как относится к ним паркетчик Игорь Константинович, понимает ли его, слушает ли вообще.

- Да! Да! Сплошные тризны! Все рушится и гибнет! Хаос! Разлад! Разброд! Дни, достойные глумлений и плясок на тризнах! Затмение мозгов

и совестей! Агония! Говорят: не агония, а роды чудесного дитяти! Родовые схватки! Не вижу! Не вижу! Вижу пока агонию. И всюду игроки! Мы жертвы их бесстыжих амбиций. Земли, хребты, острова, перешейки, моря тасуются в их игре. Жулье и разбойники! Варвары! Напор варваров - наказание и назидание! (Шеврикука удивился. бумагах Схожие слова ОН видел В С чего бы Арсеньевича. вдруг случилось совпадение?) Но что толку от таких назиданий? Что значит в хаосе и абсурде каждый поступок? Мой? Ваш? Пусть и самый благонаправленный. абсурд втягивается Он xaoc И В абсурдом. Любая становится хаосом И благонаправленность теперь зло! И глупость! О боги! Всеобщая околесица и жуть...

- Но народ не унывает, возник откуда-то Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный.
- Не говори чушь, осадил его Дударев. Лучше ври.
- Никогда не вру. Нигде и ни при каких обстоятельствах, обиделся Крейсер Грозный. Игорь Константинович не даст соврать. Но если ты так обо мне понимаешь, то я и стоять здесь не буду, пойду, куда шел.

И привел в исполнение свою угрозу.

- Да, разгромили и ограбили! опять воскликнул Дударев.
- Кто?

- Невидимые силы. А может, и самые видимые. Но мы не оставим их в покое! - решительно сказал Дударев. - Свое вернем.

себя Объявив личностью, досадно неосведомленной, отставшей от технических достижений Департамента Шмелей, никогда не имевшей доступа ни первой, ни второй, двадцатой степени откровенности к секретным обделенной исканиям. потому в чем-то a Шеврикука судьбою. вынудил Дударева разъяснить профану, какие такие ценности были разгромлены и разграблены. Ну не совсем разъяснить, а допустить малые намеки. "Вам, наверное, и не дано понять все, - предупредил Дударев. - Да оно вам и не нужно". Но, похоже, и Дударев, будучи экономистом, а не птенцом гнезда Вернадского, не все понимал, а лишь о чем-то из чужих упрощений. Вот мираж, начал Дударев. Ничего нету и что-то есть. Нет в пустыне колодца, пальмы и хижины под ней. И есть колодец, есть пальма и есть хижина. И даже облако приплыло, из него вот-вот польется вода. Грезы или мольбы жаждущего путника, скажете, состояние воздуха и игра света. И ни капли влаги. Пусть так. Но примем и это во внимание. Есть много в мире не рожденного, а потому как бы и не существующего. Но не рождаются часто и дети, а они были зачаты и уже беспокоили мать. Каша варится в голове человека, борение чувств и соображений, но они не существуют для людей вокруг, если они не

выражены словами, пусть судорожными неточными. А сны? А муки, страсти, поскребы и подсознания? А видения памяти? Кстати, такой уж и ложной? В воздухе, не в том, понятно, что состоит из кислорода, азота и прочего, а в воздухе жизни, возьмем Останкина И нашего двора, то нечто, сотворяется, возникает несомненно влияющее хотя бы на движения душ жителей. Но это нечто не пощупаешь, по нему не ударишь него не отхлебнешь ложкой. молотком. от Однако энергия этого нечто, назовем - энергия, — ощутима. И разве нельзя воплотить ее в некую реальность с видимыми границами обликом? Отчего же нельзя? Отчего же нельзято! Можно! И не зря же отпускают в редких людей, один из которых квартирует с нами в Землескребе с паспортным клеймом Дмитрия Мельникова. Отпускают. Или опускают.

- И проблемами энергетического развития судеб занимался Мельников? - спросил Шеврикука. - Трансбиологическими?
- И этим! И этим! уже торопясь, уже будто взлетая, проговорил Дударев. А вы откуда знаете?
- Так... Слышал...

Так вот, продолжил Дударев, вранье Крейсера Грозного, хотя бы и про анаконду, - это ведь тоже извержение энергии. И не один Крейсер Грозный извергает. И воображение каждого из его слушателей создает энергию. Опять же

условно - энергию. Или вот. Откуда музыка? Откуда берется музыка? Никогда на свете не было Шестой симфонии, и вдруг она есть. Жила - не жила Даная, никто не знает, а Рембрандт взял и явил ее публике. Из ничего? Как же из ничего! Из чего! Именно из чего! И она есть. Пусть даже литовский сумасшедший хотел ее извести, она все равно есть. (Даная Легостаевой тоже есть, и она зачала от Зевса.) А если Петр Ильич сотворил Шестую, Бах Иоганн Себастьян - Бранденбургский концерт, то почему же мы не произвести какую-то можем амазонскую Анаконду? Анаконда - это шутка, чепуха, блажь! Детская полька по сравнению с симфонией. Шестой Собачий Эксперимент между делом.

- A не хотели произвести змея с крыльями? не удержался Шеврикука.
- Откуда знаете? удивился Дударев. Хотели! С двумя, с четырьмя, с шестью. Кто-то предлагал - с тремя. С одним на хвосте.
- И чтобы дышал огнем?
- Да! И чтобы дышал огнем. Не обязательно огнем. Расплавленным чугуном. Но отменили. До поры до времени. Никогда не поздно оснастить. И огнем, и крыльями. Что я говорю! Что я несу! Не поздно. Как же! Разгромлены и обкрадены!
- Все же кем? опять не удержался Шеврикука.
- Кабы знать точно кем.

- Оттуда не могли? Шеврикука посмотрел в сторону Башни. Из-за Землескреба Башню не было видно. Но все знали, где она. И все чувствовали ее.
- При чем тут Башня? спросил Дударев. Зачем мы Башне? Вы что мне подсказываете? Нет, сказал Шеврикука. Я просто так.

А Дударев задумался.

При том хаосе, при том разброде, при звенящем НО похмелье, сопутствовали кончине Департамента Шмелей, лаборатория Митеньки Мельникова оказалась никому, кроме, конечно. предприимчивых и дальновидных задумавших дело. К этим людям, естественно, относился он, Дударев. Не в последнюю очередь. Не в последнюю. Надо было сразу все оборудование забирать и размещать в хорошем месте. Но проспали растяпы, упустили время, понадеялись на добродушное расположение звезд и планет. Вот и получили! По делам, по растяпству и получили. Лишились тонн двух с мыслящих половиной всяких колдующих И устройств, не будем называть каких. А сколько ценного раскурочено негодяями и невеждами. Ну взяли бы червячный компрессор, коли он им нужен, и унесли. Так нет, курочили и курочили. Но головы Митеньки Мельникова у них все равно нет и не будет. И делу замечательному не

конец. Не конец! Пусть на это никто и не надеется!

- Но что вы имеете в виду насчет Башни? спросил Дударев. - Что вы знаете? Или слышали?
- Я ничего не знаю, сказал Шеврикука. Я ничего не слышал.
- Нет-нет, не лукавьте! Вы о чем-то осведомлены. Вот вы и о проблемах энергетических развитий судеб от кого-то вызнали.
- Может, и от вас, сказал Шеврикука.
- От меня? удивился Дударев. С чего бы вдруг? Если только от этого оболтуса Крейсера Грозного. И я его еще оформил ночным сторожем! Хорош караульщик! Ему бы ходить с колотушкой и берданкой вокруг объекта, а он неизвестно где. Выгоним в шею! Выставим.

И снова мимо них прошагал куда-то Крейсер Грозный.

- Вон он! Негодяй! Ночной сторож! Выгоним! Выставим! Без выходного пособия!
- Куда вы без меня денетесь, остановился Крейсер Грозный. Ну ходил бы я ночью с берданкой и колотушкой. Что бы изменилось? Тем более что я приставлен к другому объекту. И тем более что в лабораторию вторглись днем.
- Ну днем! И что из этого? не мог успокоиться Дударев. Все равно выгоним и выставим! Будешь, как Свержов, торговать у Малого театра

египетскими бульонными кубиками. Анаконду не прокормишь!

- Прокормлю, - сказал Крейсер Грозный. - Если попросит, прокормлю. Но пока не просит.

И он опять удалился.

- Ничего. Урезоним. Не пропадем. Все образуется, - самому себе, утихая, сказал Дударев. - Нас ограбили, но помешать нам не смогут. Уныние нам противопоказано. Действие началось.

И Дударев успокоился. Усы его перестали показывать без десяти пять, вернулись в надлежащие места и даже распушились. Можно было предположить, что джинсовый наряд через полчаса будет сменен на тройку просвещенного предпринимателя и Дударев вернется к делу.

поманил Шеврикуку Интерес В квартиру Митенька, наук Мельникова. кандидата куда-то раскинув, плыл ПОД потолком гимнастических кольцах, пленником ИХ неделями назад был заблудившийся Бордюков. Глаза Митенька закрыл, но видно, что не спал. чем-то. Или грустил. Может, грезил 0 обдумывал нечто таинственное, но научное. Порой он покачивался в подпотолочье. Или в поднебесье. Но редко. Полет его был тих и плавен.

Шеврикука не стал ему мешать. *(продолжение предполагается)*

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/

______ Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";

"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова") ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ep
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Xep	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

Продолжение. Начало в № 10.

XEP

День был обычный, четверг. Падал снежок, ничто не предвещало. А и в книжках так: предвещает, не всегда особо **НИЧТО** предвещало. А уж оговаривают: не предвестит, то держись: и птица каркнет, и ветер эдак завывает, и зеркало треснет, а зеркало это у старинных людей вроде доски было, и они, в ту доску глядя, себя видели, вроде как когда в воду смотрим.

Сели обедать.

Бенедикт раскрыл "Северный Вестник", седьмой номер, на редкость крепенький, нитками прошитый и проклеенный, разломил журнал, чтоб не закрывался, и локтем нажал, и еще миской с супом придавил.

Теща:

- Доедай, зять, каклеты стынут.
- М-м.
- Каклеты хорошие, жирные.
- М-м.
- С грибышами упарены. Поди, час в печи томила.

Оленька:

- А еще хорошо к каклетам пюре с репы.

Тесть:

- Пюре, почитай, ко всему хорошо.
- Нет, к каклетам особливо.

- Ну да и то сказать: не кажный день каклеты парим.
  - Не кажный.
- ".....", читал Бенедикт, бегая уже привычными глазами по строчкам, "......".
- A о прошлом годе, помните, кусай-травы набрали да с репой масседуан сварганили.
  - A то.
- А еще бы для духу козлякового сыру в масседуан-то наблякать, оно бы еще вкусней было.
  - А то.
  - А еще вермишель хорошо.
  - А еще бы не хорошо.
- А кабы в вермишель маслица, да травок лесных, да кваску чуток, да запечь, да протомить, а как заскворчит на стол.
  - А сверху грибышей толченых.
  - Ага.
- A к этому вертуту рассыпчатую, орешками фаршированную.
  - С папоротом.
  - Ho.
  - Опосля пряники. Плетеные.
  - Зачем плетеные. На поду лучше.
  - Ща, на поду. На поду они с горчинкой.
  - Но? И чего? Оно и хорошо.
- Чего ж хорошего? Плетеные куды лучше. В их яйцо кладут.
- Что ты понимаешь. Плетеные!.. Еще скажи: блины!..
  - А что блины? Что блины-то?

- А то, что неча!.. Блины!.. Тоже мне!..
- А чего тебе?
- А ничего! Вот чего!
- Ну и ничего! А то: блины!..
- А вот и блины!
- Сама ты "блины".
- Да я-то вот блины. А ты-то что?
- А ничего!
- Ну и молчи!
- Сама молчи!
- Ну и помолчу!
- Ну и помолчи!
- Ну вот и помолчу! "Блины!"
- Ну и молчи! Тише будет!

Помолчали. Жуют. Бенедикт страницу перевернул, миску переставил, опять журнал придавил.

- Каклеты-то ешь, зять.
- -Яем.
- Еще накладывай. Оленька, наложи ему. Да ты соусу-то полей! Во. Еще полей.
  - Грибышей ему положите.
  - А вот еще поджарочки.

Опять помолчали.

- A жаль, Евдоксинья-то помре. Каки она суфле с орехов наворачивала.
  - Но. А то.
  - Сверху вроде корочка, а внутри мягкое.
  - Hy.
- A шарлот? Кто такой шарлот таперича изготовит?
  - Это который? С репы?

- С репы.
- Да я с репы и сама могу.
- Щас прямо.
- A че?
- Ниче.
- Думаешь, не могу?
- He-a.
- А вот могу.
- Ври.
- А вот и могу. Спервоначалу упарить ее, потом намять. Опосля яиц в нее, орехов, молока козьего. Обвалять и в печь. И чтоб жар большой. Как все равно для блинов.
  - Опять блины.
- Да что ж ты к блинам-то, ирод, привязался?! Еще попросишь блинов-то!
  - А и попрошу! Слоеные!
  - А хрен тебе!
  - А чего это?
  - **-** А того!
- Ща, ей-Богу, как дам в лоб уполовником, будут тебе блины-то!

Бенедикт еще страницу перевернул.

- Зять!
- M?
- Оставь книгу-то! Как за стол, сразу в книгу. Ни тебе посидеть как люди, ни поговорить.
  - Мм.
  - Зять!
  - M-м?
  - Чего там написано-то? Прочти.
  - "Чего"! Искусство написано!

- Дык и прочти.
- Оленька рот поджала:
- Он все про баб вычитывает. Приключения хочет.
- Больно много вы понимаете. Ну, что... Ну: "Людмила зябко куталась в пуховой платок, обхватив себя за худенькие, вздрагивающие плечи. Ее зардевшие щеки ярко пылали пунцовым огнем. Звезды глаз бросали на Владимира стрелы тревоги. Высокая грудь вздымалась как морская пучина под шелковой

блузкой. "Владимир, - прошептала она. - Владимир..." Владимир стиснул челюсти. Суровые желваки заходили под его загорелой кожей. Он отвернулся. Тонкие пальцы Людмилы нервно перебирали бахрому шали. "Владимир!" - вскрикнула она, простирая ладони ..."

Оленька набычилась:

- Но и сколько же у ей рук-то, у Людмилы-то у этой?
  - Сколько надо! Две!
- A шурует вроде как шестью. Это у ей Последствие али как?
- На себя посмотри! обозлился Бенедикт. Это искусство!

Вот баба - она баба и есть. Всю мечту опоганит. Аж трясет. Бенедикт еще перелистнул. "Кончиками тонких пальцев Людмила

виски. "Никогда", усталые потирала прошептала она, заламывая руки. Смертельная бледность заливала ее лицо. Она разжала кончено", -"Bce пробормотал объятья. Владимир. Суровая складка его губ выдавала крайнее волнение". Ах, блин, и впрямь... Последствие у Людмилы-то... А чего ж ничего сказано?.. Перелистнул страницу. "Продолжение следует". А, черт! На самом интересном месте. Бенедикт ощупал журнал, повертел, листы перелистал: может, конце продолжение сыщется, - а бывает. Но не было. Двинул тубарет, - пойти в складе посмотреть.

- Куда? А каклеты-то?!..

На полках в складе давно порядок заведен: сразу видно, какой книге где место. А то у тестя Гоголь рядом с Чеховым стоял, - сто лет ищи, не найдешь. А на все наука должна быть, али сказать, система. Чтобы не тыркаться без толку туда-сюда, а сразу - пошел и взял.

... Нет восьмого номера. Ну, может, и ошибся, может сунул не туда... бывает... тут "Северный Вестник", тут "Вестник Европы", "Русское "Уральские Богатство", "Урал", Огни", "Пчеловодство"... тут нет... "Знамя", "Новый мир", "Литературият Башкортостон"... Тургенев - читал, Якуб Колас - читал, Михалков, Попов, другой Попов, Петрарка, Попцов, "Попка-дурак. Раскрась Попеску, сам",

"Илиада", "Электрическая тяга", - читал, "С ветром споря",

"Справочник партизана", Сартр, Сартаков, "Сортировка бытового мусора", Софокл, "Совморфлоту - 60 лет", "Гуманистические аспекты творчества Шолохова", "Русскояпонский политехнический словарь", - читал, читал, читал...

Челлини; "Чешуекрылые Бенвенуто Армении", выпуск пятый; Джон Чивер; "Чиполлино", "Черный принц" - ага, ошибся, эту не сюда; "Чудо-дерево"; "Чума"; "Чумка у домашних животных"; "Чум - жилище народов Крайнего Севера"; Чулков; "Чулочноносочное производство"; Чулаки; "Чукотка. Демографический обзор"; Чандрабхагнешапхандра Лал, **TOM** восемнадцатый; "Чень-Чень. Озорные сказки народов Конго"... читал; Кафка; "Каши из круп", "Как мужик гуся делил"; "Карты звездного неба", "Камо грядеши?", "Камское речное пароходство"... читал; "Що за птиця?"; Пу Сун-лин; "Пустыня Гоби", "Ракетам - пуск!", Месопотамии"; "Убийство "Убийство В Восточном экспрессе"; "Убийство Кирова"... "Урарту"... "Ладушки"; Лимонов; "Липидобелковый обмен в тканях", - все читал...

"Красное и черное", "Голубое и зеленое", "Голубая чашка", "Аленький цветочек" - хорошая... "Алые паруса", "Желтая стрела", "Оранжевое горлышко", "Дон Хиль - зеленые штаны", "Белый пароход", "Белые одежды",

"Белый Бим - Черное ухо", Андрей Белый, "Женщина в белом", "Багровый остров", "Черная башня", "Черноморское пароходство. Расписание", Саша Черный, сюда "Черный принц". Так...

Хлебников, Караваева, Коркия...

Колбасьев, Сытин, Голодный...

Набоков, Косолапов, Кривулин...

Мухина, Шершеневич, Жуков, Шмелев, Тараканова, Бабочкин...

М.Горький, Д.Бедный, А.Поперечный, С.Бытовой, А.Веселый...

Зайцев, Волков, Медведев, Львов, Лиснянская, Орлов, Соколов, Сорокин, Гусев, Курочкин, Лебедев-Кумач, Соловьев-Седой...

Катаев, Поволяев, Крученых...

Молотов, Топоров, Пильняк, Гвоздев...

Цветков, Цветаева, Розов, Розанов, Пастернак, Вишневский, Яблочкина, Крон, Корнейчук...

Заболоцкий, Луговской, Полевой, Степняк-Кравчинский, Степун...

Носов, Глазков, Бровман, Ушинский, Лобачевский, Языков, Шейнин, Бородулин, Грудинина, Пузиков, Телешов, Хвостенко...

"В объятиях вампира", "В объятиях дракона", "В объятиях чужестранца", "В гибельных объятиях", "В объятиях страсти", "Огненные объятия", "Всепожирающее пламя страсти"...

"Удар кинжала", "Отравленный кинжал", "Отравленная шляпка", "Отравленная одежда", "Кинжалом и ядом", "Ядовитые грибы средней полосы России", "Златокудрые отравительницы", "Смерть приходит в полночь", "Смерть приходит на рассвете", "Кровавый рассвет"...

"Дети Арбата", "Дети Ванюшина", "Дети подземелья", "Дети Советской Страны", "Детки в клетке", "Детям о Христе";

Маринина, "Маринады и соления", "Художники-маринисты", "Маринетти - идеолог фашизма", "Инструментальный падеж в марийском языке";

Клим Ворошилов, "Клим Самгин", Иван Клима, "Климакс. Что я должна знать?", К.Ли, "Максимальная нагрузка в бетоностроении: расчеты и таблицы. На правах диссертации";

Чехов, Чапчахов, "Чахохбили по-карски", "Чух-чух. Самым маленьким";

Анаис Нин, Нина Садур, "Ниневия. Археологический сборник". "Ниндзя в кровавом плаще", "Папанин. Делать жизнь с кого";

"Евгения Грандэ", "Евгений Онегин", Евгений Примаков, Евген Гуцало, "Евгеника - орудие расистов";

"Гамлет - принц Датский", "Ташкент - город хлебный", "Хлеб - имя существительное", "Уренгой - земля юности", "Козодой - птица вешняя", "Уругвай - древняя страна", "Кустанай - край степной", "Чесотка — болезнь грязных рук";

"Гигиена ног в походе", "Ногин. Пламенные революционеры", "Ноготки. Новые сорта". "Гуталиноварение", "Подрастай, дружок. поллюциях", юноше знать 0 "Пошив "Старина товарищ!", брюк", четвероног", "Шире шаг!", "Как сороконожка варила", "Квашение овощей домашних условиях", Фолкнер, "Федорино горе", "Фиджи: классовая борьба", "Шах-намэ", Шекспир, Шукшин;

"Муму", "Нана", "Шу-Шу. Рассказы о Ленине", "Гагарин. Мы помним Юру", "Татарский женский костюм", "Бубулина - народная героиня Греции", Боборыкин, Бабаевский, Чичибабин, "Бибигон", Гоголь, "Дадаисты. Каталог выставки", "Мимикрия у рыб", "Вивисекция", Тютюнник, Чавчавадзе, "Озеро Титикака".

Боясь догадаться, дрожащими руками перебирал Бенедикт сокровища; про восьмой номер он уж и не думал, нет восьмого номера, - переживем, но — книга за книгой, книга за книгой, журнал за журналом, - все это уже было, было, было, читал, читал, читал... Так что же: все прочитал? А теперь что читать? А завтра? А через год?

Во рту пересохло, ноги ослабли. Высоко поднял в руке свечу, синеватый свет ее раздвигал тьму, плясал по полкам, по книжным корешкам... может, наверху...

Платон, Плотин, Платонов, "Плетення жинкових жакетов", Плисецкий Герман,

Плисецкая Майя, "Плиссировка и гоффрэ", "Плевна. Путеводитель", "Пляски смерти", "Плачи и запевки южных славян", "Плейбой". "Плитка керамическая. Руководство по укладке". "Планетарное мышление". "Плавание в арктических водах". "План народного развития на пятую пятилетку". "Плебеи Древнего Рима". "Плоскостопие у детей раннего возраста". "Плевриты", "Плюшка, Хряпа и их веселые друзья". Все читал.

Все. "Все кончено, - пробормотал Владимир". Ничто не предвещало. Вот - предвестило... Бенедикт постоял, капая свечным салом на пол, осмысливая случившийся ужас. Так вот пирует себе человек в богатом пиру, в венке из роз, смеясь беспечно, и вся жизнь у него впереди; бездумно ему и светло; откусил, играючи, кусок ватрушки, протянул руку за другим, - и вдруг раз! - и видит, что и стол-то пуст, чист, ни объедка, и горница как мертвая: ни

друзей, ни красавиц, ни цветов, ни свечей, ни цимбалов, ни танцоров, ни ржави, а может и самого-то стола нет, только сено сухое... с потолка помаленьку сыплется... шуршит и сыплется...

Медленно, медленно вернулся в столовую горницу, сел; что-то говорили ему, ворча, наложили еды... Каклеты... На тарелке - каклета. Лежит. Каклета... У Бенедикта на тарелке лежит каклета. Смотрел... смотрел...

Каклета лежит. Не понял... что думать-то надо?.. про каклету?

- Ешь! Ешь, пока не остыло! Соусом полить?..

Говорит говорит? слова; ЭТО КТО Присмотрелся. бабель видит: объемный, женского полу. Большая голова, малый нос посреди. По бокам носа - щеки, свеклецом натертые. Темных два глаза тревожных, ровно как осенней водой налитых; вот как лесу в В мох-то ступишь, след оставишь, - немедля каряя вода в тот след стремится, заполняет. Над глазами брови черные

посередь бровей камушек подвешен, дугою, прозрачный, от свечи синеватый. По бокам от бровей - виски, на висках кольца височные, цветные, а поверх бровей плетеные, волос золотой, винтом нетути, только крученый, а над волосом - кика, и в кику каменья малые звездой вделаны, да ленты метелью, да нити бисерные дождем, - висят, колышутся, подбородка доходят; помавают, до под ямочкой подбородком, его, - вот сразу тулово, широкое, как сани, а по тулову - сиськи в И-и-и-и-и! Красота яруса. несказанная, страшная; да нешто ж это Оленька? - сама царица шемаханская!

- Оленька!.. обомлел Бенедикт. Ты ли это? Как ты похорошела-то! Когда же это?.. Розан лесной!.. Сирена!
- Контролируй себя... колыхнулась Оленька. А глаз не отвела.

Контролировать Бенедикт не стал, да и Оленька это больше по привычке, али сказать, для проформы молвила, так что дня три, а то, может, и четыре, а то и пять, а считай шесть, да чего там, - цельную неделю Бенедикт с Оленькой куролесил по-всякому, как бы в чаду каком, - чего вытворяли, и не упомнишь. **Теща, видя дело такое, выкатила из закромов** бочку кваса яичного, крепкого, - хватанешь, дыхание спирает, слезы из глаз; хороший квас. Буйствовали знатно, катались-валялись, чехарду играли. На четвереньках бегали, Оленька - так в чем родилася, а Бенедикту охота пришла на голову кику Оленькину напялить, бисером шуршать, а к тому месту, где раньше хвост был, - колобашки прикрутить, грохоту больше было; а веревку привяжешь, колобашки нанижешь, гром стоит, - милаи вы мои, прямо гроза в начале мая; и чтоб козляком блеять.

Потом, как бы сказать, - затишье. Суровость вступила.

Иосиф БРОДСКИЙ, лауреат Нобелевской премии

ЛОМТИК МЕДОВОГО МЕСЯЦА

М.Б.

Не забывай никогда, как хлещет в пристань вода, и как воздух упруг (как спасательный круг).

А рядом чайки галдят, и яхты в небо глядят, и тучи вверху летят, словно стая утят.

Пусть же в сердце твоём, как рыба, бьётся живьём и трепещет обрывок нашей жизни вдвоём.

Пусть слышится устриц хруст. Пусть топорщится куст. И пусть тебе помогает страсть, достигшая уст, понять - без помощи слов - как пена морских валов, достигая земли, рождает гребни вдали.

Пускай исчезнет среди пыльных груд Истлевших книг твой вдохновенный труд; След твоего дыханья

в книге мира Ни вечность, ни забвенье не сотрут.

Э. Ананиашвили

Знания это свет, а за свет надо платить.

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 32

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

<u>Тел.</u>: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

"Следует всеми силами продвигать знания о Тонком мире."

Агни Йога